

ПОХИЩЕННАЯ
СИНЬОРА
ЛАУРА МОРЕЛЛИ

Удивительная история для поклонников
Кристин Ханна и Энтони Дорра

Роман с искусством

Лаура Морелли

Похищенная синьора

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111- 31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Морелли Л.

Похищенная синьора / Л. Морелли — «Издательство АСТ»,
2021 — (Роман с искусством)

ISBN 978-5-17-138833-1

Что скрывает таинственная «Мона Лиза»? Италия, 1479 год. Служанка Беллина Сарди сопровождает свою хозяйку Лизу Герардини в дом ее мужа – преуспевающего торговца тканями Франческо дель Джокондо. Верность Беллины подвергается испытанию, когда она попадает под чары харизматичного монаха по имени Савонарола. Когда мастеру Леонардо да Винчи поручают написать портрет Лизы Джокондо, Беллина понимает, что ей необходимо хранить мучительную тайну... Франция, Вторая мировая война. Молодой архивариус Лувра Анна Гишар, смертельно рискуя, вывозит загадочную «Мону Лизу» из Парижа. Теперь Анна оказывается втянутой в опасную игру, на кону которой стоит ее собственная жизнь и судьба печальной «Джоконды»... История о двух мужественных женщинах, которые с разницей в пятьсот лет рисковали своими жизнями, чтобы защитить от беды синьору с загадочной улыбкой. Леонардо да Винчи, его прекрасная Лиза и знаменитый портрет оказываются под прицелом истории, когда сталкиваются две параллельные эпохи, в которых на карту поставлено гораздо больше, чем искусство.

УДК 821.111- 31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-138833-1

© Морелли Л., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть 1	7
Часть 2	13
Часть 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Лаура Морелли

Похищенная синьора

В память о Лизе

Laura Morelli
THE STOLEN LADY

Серия «Роман с искусством»

Печатается с разрешения литературных агентств The Bent Agency и Andrew Nurnberg

Перевод с английского *Ольги Павловской*
Оформление обложки *Винсента Фельдмана*

© Laura Morelli, 2021
© Павловская О., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Часть 1 Тайное и явное

Леонардо

Флоренция, Италия

1472 год

Мастер говорит, что я вечно начинаю за здоровье, а заканчиваю за упокой – не умею доводить дело до конца. Такая вот незадача, которая, дескать, превращается в беду.

Я смотрю, как за высокими узкими окнами мастерской синьора Верроккьо вечернее летнее небо обретает темно-золотистый загар. Воздух в помещении душный и словно бы тяжелый от пыли. Прочие подмастерья уже почистили кисти, сложили нарисованные за день эскизы в аккуратные стопки и в перепачканной красками одежде разошлись по тавернам, дружно урча животами. А мы с мастером остались вдвоем. Я чувствую на себе взгляд его глаз-бусин, и капля пота, одна-одинешенька, скатываясь по спине, щекочет мне поясницу.

В тишине я разглядываю брызги закатного зарева, растекшиеся по темным углам мастерской. И вдруг целая волна волшебного сумеречного света вкатывается в окна, озаряет ветхие стены с кракелюрами на штукатурке, словно покрывая их жидким золотом. Свет заливает деревянную панель, над которой мы работаем. Я помахиваю в воздухе мокрой кистью из лисьего волоса и внимательно изучаю картину.

Много недель назад мастер Верроккьо закончил фигуры Мадонны и великолепного крылатого архангела, который, спустившись с небес, преклонил перед ней колено, держа в руке лилию. Мой взгляд сосредоточен на заднем плане картины – там я набросал очертания деревьев, гор и долин, теряющихся вдали. Мастер предпочитает темперные краски – из сухих пигментов, разведенных водой с желтком, – какие использовал его дед; я же начал добавлять в свои масло. Прищурившись, рассматриваю легкую, влажную еще дымку между фигурами. Рука у Мадонны в исполнении мастера вышла длинноватой, и волосы у нее получились растрепанные. Но я ни за что не скажу это вслух.

Мастер говорит: монахи ждут. Он твердит это постоянно, я уже сбился со счета. Монахи месяцами терпеливо ждут от нас обещанный запрестольный образ. Месяцы сложились малопомалу в год.

Мой отец тоже ждет. Ждет, когда из меня наконец-то выйдет толк. Я, по своему обыкновению, не оправдываю ожидания.

Спину мне жжет взгляд синьора Верроккьо из другого конца мастерской. Я делаю вид, что изучаю изысканные цветы на переднем плане картины, написанные мною несколько месяцев назад, и размышляю, не добавить ли еще один слой лака на все это цветущее великолепие – *hortus conclusus*, «запертый сад», «вертоград заключенный», который символизирует непорочность Девы Марии.

Это последний раз, когда я заканчиваю работу вместо мастера Верроккьо. Мне почти сравнялось двадцать – я достаточно взрослый, чтобы открыть собственную мастерскую, и достаточно молод, чтобы будущее, простершееся впереди, сулило мне бездну возможностей для воплощения в жизнь изобретений, пока что пребывающих на страницах моих альбомов и тетрадей в виде чертежей. Бронированные колесницы. Переносные требушеты – катапульты, которые можно сложить с помощью рычажного механизма. Летающая машина с крыльями, как у летучей мыши... За пределами этой мастерской, за пределами живописи, быть может, даже за пределами Флоренции возможности безграничны.

Внезапно мастер Верроккьо устремляется ко мне, как архангел, пикирует хищной птицей, властный, несущий важные вести. И как Мадонна, я на мгновение прижимаю руку к груди и отступаю на шаг. Смотреть ему в глаза я не могу, потому обращаю взор к прекрасному безмятежному лику Девы Марии и замираю в ожидании его речей.

Но мастер молчит. Какой-то миг мы оба смотрим на деревянную панель. Потом поверх моего плеча он переводит взгляд на не просохший еще фрагмент, только написанный мною, и хмурится. Хмурится по привычке или выражает тем самым оценку моей работы – я теряюсь в догадках.

«Гм...» – мычит в итоге мастер и отступает.

Да, все же лучше будет покинуть Флоренцию.

Определенно в жизни есть занятия поважнее, чем писать портреты прекрасных дам.

Но и это я тоже не скажу вслух.

В конце концов, все мы что-то скрываем.

Анна

Париж, Франция

1939 год

«В конце концов, все мы что-то скрываем», – думала Анна Гишар, украдкой заглядывая в Salon Carre² – Квадратный салон Лувра. Вероятно, то, что там сейчас происходило, не предназначалось для ее глаз. Но ей было ужасно любопытно.

Солнце зашло несколько часов назад, однако Анна вместе с большинством музейных работников засиделась до ночи и работала все это время с ожесточенным усердием. Только что она сбегала за копировальной бумагой для своей старенькой пишущей машинки и несла в кабинет целую коробку, но услышала шум в галерее шедевров итальянского Ренессанса и замедлила шаг в коридоре, чтобы посмотреть, что случилось.

Обычно Анна ходила по огромному лабиринту залов и кабинетов Лувра, когда они были залиты солнечным светом. Сейчас же, ночью, музейные помещения казались ей жуткими и зловещими. В галереях, некогда заполненных произведениями искусства, сейчас было почти пусто и темно. Несколько оставшихся древнегреческих и древнеримских скульптур отбрасывали зыбкие тени в пустых залах. Там суетились хранители – у всех были блокноты и мешочки с мелками; в лучах резкого света от карманных фонарей, скользивших по стенам, живописные полотна казались темными, тускло отблескивающими прямоугольниками.

В глубине Квадратного салона Анна узнала элегантный силуэт директора музея – Жак Жожар стоял, уперев руки в бока, и наблюдал, как два смотрителя укладывают нечто похожее на кейс в деревянный ящик. Войти в зал Анна не решилась – она занимала незначительную должность помощницы архивариуса, и здесь ей нечего было делать.

В каждой из галерей рабочие деловито снимали картины со стен. Маленькие укладывали в ящики вместе с рамами и грузили на скрипучие тележки. Большие холсты вынимали из рам и скатывали в плотные рулоны. За рабочими, перешептываясь, ходили кураторы и архивариусы с инвентарными списками. Как только картину снимали со стены, кураторы рисовали белым мелом прямоугольник на том месте, где она висела, и писали в нем имя художника, название полотна и его инвентарный номер.

За последние несколько дней, в течение которых шла подготовка к эвакуации и составлялись описи, Анна видела, как бесценные полотна Старых мастеров¹, большие статуи, египетские древности пакуют, словно ветхую мебель, которой предназначено собирать пыль где-

---

¹ Старые мастера – общее, достаточно условное обозначение западноевропейских художников, работавших в исторический период с начала эпохи Возрождения до примерно 30-х гг. XIX в. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

нибудь на чердаке. У нее в голове не укладывался гигантский масштаб предпринятых работниками Лувра усилий, для того чтобы перевезти все обширное музейное собрание из луврских галерей в безопасное место, спасти его от германских офицеров, у которых хватит наглости присвоить бесценные шедевры себе.

Она заметила, как кто-то из кураторов нарисовал на деревянном ящике три красных кружка. Затем двое служителей установили ящик на тележку, и вся группа в сопровождении месье Жожара двинулась к выходу из Квадратного салона. Тележка долго скрипела на все лады колесиками по коридору, потом скрылась из виду. Приглушенные голоса и эхо шагов стихли, галерея погрузилась в тишину и в темень.

Анна, выступив из своего укрытия за углом коридора, вошла в пустой зал. Источником освещения здесь служила единственная электрическая лампочка в железной сетке, болтавшаяся на длинном шнуре. Когда глаза оправились от этого яркого пятна света, она приблизилась к скромному прямоугольнику, который куратор начертил на стене, и только сейчас поняла, что за картина висела там всего несколько минут назад.

Это была «Мона Лиза». *La Joconde*².

Пора было возвращаться в архив. Ее начальница Люси Мазорик, должно быть, уже начала недоумевать, как можно так долго ходить за копиркой. Но вместо этого Анна стояла как вкопанная перед меловым прямоугольником на голой стене.

Она столько раз проходила мимо портрета флорентийской синьоры, что он отпечатался в памяти в мельчайших подробностях, и теперь Анна видела его мысленным взором так, будто картина еще висела перед ней. Она смотрела на пустой, начерченный мелом прямоугольник, словно верила, что холст снова появится там, если ждать достаточно долго. Вдруг сделалось трудно дышать – Анна подумала о тысячах посетителей, которые при ней прохаживались по галереям Лувра и замирали перед знаменитой работой Леонардо да Винчи, портретом женщины с загадочной улыбкой. Анна видела, как менялись их лица, когда они подступали ближе и заглядывали в таинственные темные глаза дамы, взиравшей на них с холста, будто ждали, что она дотянется до них, преодолев четыре с лишним столетия истории одним лишь взглядом, и изменит что-то навсегда у каждого в глубине души. «Такова сила искусства», – думала Анна.

Затем, стоя перед голой стеной, она постаралась припомнить, какой была эта галерея в обычные времена. Тысячи приглушенных голосов сливались в несмолкающий гомон. Родители шикали на детей, чтобы те держали руки подальше от произведений искусства: «*Touche pas*»³. Шелестела одежда, сталкивались чуть слышно локти и плечи, когда посетители обходили друг друга. Мельтешение фигур. Нервный топоток бдительных служителей: «*Touchez pas. Silence, s'il vous plaît*»⁴. Переменчивое освещение: льющийся в окна яркий свет становится рассеянным и постепенно меркнет за долгие часы, пока музей открыт для посетителей. А теперь... деревянный ящик с тремя красными кружочками и скрипучая тележка с разболтанными колесами.

В галерее воцарилась тишина – тяжелая от пылинок, кружащих в воздухе. Давящая. Окончательная. Анна перестала ощущать присутствие портрета. Пришло осознание потери.

БЕЛЛИНА

Флоренция, Италия 1479 год

«В конце концов, все мы что-то скрываем». Эта мысль кружилась и трепетала в голове Беллины, когда та шла вместе с семьей хозяина в баптистерий на таинство крещения.

Рука у нее так и тянулась к карману, где лежало ее сокровище, тихонько постукивая по бедру при каждом шаге, но Беллина постоянно мысленно себя одергивала. Хотя какое

---

² «Джоконда» (фр.).

³ «Не трогай» (фр.).

⁴ «Не трогайте. Соблюдайте тишину, пожалуйста» (фр.).

там сокровище – сушая безделица, крошечный коралловый амулетик из тех, что бабушки повязывают на шейку новорожденным внукам, чтобы охранить их от бед и превратностей судьбы. Вещица эта появилась в доме вместе с целой грудой крестильных даров, поднесенных родственниками и знакомыми синьора Герардини по случаю появления на свет его первого ребенка. Беллина заметила амулет сразу, когда бегала открывать дверь гостям, потянувшимся в дом на следующее утро после рождения младенца.

Право слово, этот амулетик был такой мелочью, хотя теперь он тяжело оттягивал внутренний карман холстяной нижней юбки Беллины. В россыпи других подарков – баночек с воском, кульков с миндально-лимонным печеньем, расшитых пеленок, двузубых серебряных вилок с выгравированными именами родителей – пропажу безделушки никто и не заметит.

Дом был полон подобных маленьких сокровищ, накопленных поколениями его обитателей – кому, как не Беллине, было об этом знать, ведь в ее обязанности входило хранить чудесные вещицы, выставлять, расставлять, переставлять, вытирать с них пыль, мыть и чистить. Она вольна была ими любоваться, но даже не мечтала никогда, что эти предметы могут принадлежать ей. И не понимала, почему женщины из семейства Герардини держат свои побрякушки запертыми в шкатулках и шкафчиках. Беллина думала, что, будь у нее хоть какие-то украшения, она носила бы их не снимая.

На рассвете семейство покинуло пронизанный сыростью особняк на углу виа Маджо, где дождевые воды с холма Боболи застаиваются и плодят мириады комаров. В утренней дымке Герардини направили свои стопы к величественному восьмигранному баптистерию подле собора Санта-Мария-дель-Фьоре. Колокола на звоннице церкви Сантиссима-Аннунциата созывали монахов на утреннюю службу. Незнакомые люди махали из окон и кричали поздравления на улочках, по которым несли темноглазую новорожденную девочку в зеленом бархатном чепчике и белых одеяльцах. Впереди всех выписывал зигзаги племянник Антон-мари Герардини, маленький Герардо. Мальчуган резво носился с одной стороны улицы на другую, хлопал ладошками по каменным стенам домов, пачкая длинные рукава изящного камзолчика, и матушка заполошно призывала его немедленно прекратить безобразничать.

«И ничего я не украла. Просто... спрятала амулет. Может, я его еще верну. – Рука Беллины сама скользнула в пришитый к холстяной юбке карман – невозможно было этому противиться. – Право слово, все мы что-то скрываем».

Беллина никогда в жизни не воровала у Герардини. Но какая служанка не задумывается о том, чтобы стащить что-нибудь у хозяев? Порой, смахивая метелкой из перьев пыль с деревянной резной шкатулки для драгоценностей или надраивая бронзовую поварешку, Беллина представляла себе, как это будет: вот она берет чужое и кладет в карман. Заметит ли кто-нибудь?

За все свои тринадцать лет жизни Беллина не ведала ничего, кроме сокровенных подробностей жизни семейства Герардини. Она знала, что мать новорожденной предпочитает оливковое масло, настоянное на побегах дикого майорана, а вино требует разбавлять лишь каплей воды. Знала, какой порошок из шкафчика со снадобьями дать синьору Герардини, ежели у него от тушеных помидоров дерет горло. Знала, когда приходят регулы к каждой из женщин в доме. Еще знала, какие разговоры и обстоятельства могут вызвать размолвки между хозяевами и родней. И она была первой из домочадцев, кто увидел застывшие лица двух предыдущих синьор Герардини, прежних жен хозяина, которые одна за другой отдали Богу душу на родильном кресле.

Беллина считала, что всякий случай, когда матери и дитя удастся пройти суровое испытание родами и уцелеть, – это повод для праздника. Ее собственная матушка, долгое время прислуживавшая в доме Герардини, не выдержала родовых мук. Беллина понимала, что синьор Герардини мог бы тогда без зазрения совести оставить ее, новорожденную сиротку, на ступе-

нях Инноченти⁵. Но вместо этого он сжалился над крошечной Беллиной, дал ей приют в собственном доме и вырастил – не как рабыню и не как полноправного члена семьи, а как нечто среднее. Ее кормили, одевали, укладывали спать в колыбельку с теплыми шерстяными одеяльцами. И всегда относились к ней по-доброму.

«Ты украла у человека, который почти заменил тебе родного отца», – неумолчно ворчал внутренний голос, но Беллина гнала от себя эту мысль, пока семейная процессия приближалась к громадине Санта-Мария-дель-Фьоре – крытый черепицей купол кафедрального собора было видно издалека. Именно возможность обладать скромными излишествами – расшитыми платьями, украшениями, всякими маленькими сокровищами – была преградой между ней и остальным семейством.

Спрятанный амулет постукивал Беллину по бедру при каждом шаге. Синьор Герардини вышагивал по улице во главе всей своей невеликой свиты из кузин и кузенов, дедушек и бабушек, слуг и служанок, поспешавшей за ним, будто суетливая, гомонящая стая гусей. Измученная мать новорожденной девочки осталась дома – ей предстояло провести взаперти традиционные сорок дней. Впереди замаячили склады красильщиков шерсти, и по кварталу заскакал вприпрыжку легкий ветерок с илистых берегов Арно. По Понте-Веккьо, где, как всегда, было оживленно, они перешли реку и двинулись дальше по виа Пор-Санта-Мария под несмолкающий перестук деревянных ткацких станков, которые возвещали начало нового рабочего дня в шелкодельных мастерских по обеим сторонам улицы.

Беллина смотрела на незнакомых прохожих и понимала, что для любого из них Герардини выглядят как состоятельное флорентийское семейство, беспечно шагающее в баптистерий. За младенцем поспешали тетушки и дядюшки, разодетые в парчу, расшитую серебряными нитями, в тафту с цветочными узорами; у всех были кармазинного цвета кожаные перчатки. Но как и в случае с городскими домами, у которых великолепные фасады из тесаного камня скрывают обветшавшие, заваленные мусором внутренние дворики, это была лишь видимость, внешний лоск, и Беллина об этом знала. Несколько поколений назад Герардини владели обширными угодьями в окрестностях Флоренции, где росли оливковые деревья, виноград, пшеница, и на этих землях трудилось множество крестьян-издольщиков. Но череда бед и злоключений мало-помалу истощала нажитые богатства. Под роскошными, пышными, многослойными нарядами из дорогих узорчатых тканей, в которых Беллина десятки раз собственноручно латала дыры, нынешние представители рода носили ветхое, застиранное белье. Их арендованный дом стоял в сыром квартале, лестницы в нем прогнили, штукатурка осыпалась, а в погребках было шаром покати. Однако внешний лоск они наводили неукоснительно.

Наконец процессия добралась до площади перед огромным кафедральным собором. Северная и южная стены его были облицованы чудесной мозаикой из зеленых и розовых мраморных плиток, передний же фасад, незаконченный строителями, являл взорам лишь уродливую кладку из красных кирпичей. Беллина последовала за синьором Герардини под темные прохладные своды старинного баптистерия. Под куполом просторного здания тотчас стих уличный гомон – здесь царил всепоглощающая тишина. В зыбком свете свечей мерцали стены, украшенные позолоченными мозаиками и геометрическими орнаментами из мрамора. Отец Бартоломео, седовласый весельчак, улыбнулся новорожденной девочке, обменялся с ее отцом учтивостями и повел пришедших к центру восьмигранного пространства. Пока семейство выстраивалось вокруг большой мраморной купели и отец Бартоломео занимал надлежащее священнослужителю место, Беллина разглядывала замысловатые узоры на полу.

Только сейчас она в полной мере осознала важность сегодняшнего события. Синьор Герардини уже сообщил, что отныне в доме к ней перестанут относиться как к ребенку. После

---

⁵ Имеется в виду Ospedale della Innocenti – «Приют невинных», сиротский дом, построенный во Флоренции в 1-й половине XV в.

крещения его родной дочери обязанностью Беллины будет забота о ней. В свои тринадцать лет, мол, Беллина достаточно взрослая не только для того, чтобы сделаться крестной матерью девочки, но и для того, чтобы принять на себя роль ее наперсницы и попечительницы. У Беллины уже прошли первые регулы, она теперь девушка – настало время взять на себя дополнительную ответственность и заботиться о Лизе, как если бы это была ее родная дочь.

Второй священник, молодой и тощий, направился к толстой книге, лежавшей на кафедре, и обмакнул перо в чернильницу. Отец Бартоломео обратился к синьору Герардини на их родном тосканском диалекте:

– Каким именем желаете вы наречь дитя?

– Лиза, – отвечивал отец девочки.

Беллина знала, что малышку нарекают в честь бабушки, добрейшей пожилой синьоры с очами, как темные сливы, скончавшейся несколько лет назад.

– Чего взыскуете вы для Лизы от Церкви Господней? – продолжал священник.

– Таинства крещения, – отвечивал синьор Герардини.

– Кто даст обеты за это дитя?

Тетя девочки бережно передала Беллине в руки маленький сверток из расшитых одеялец. Малышка оказалась тяжеленькой, и от нее хорошо пахло. Беллина прижала девочку к себе, осторожно поддерживая головку, как ее научили заранее, и почувствовала чью-то ладонь у себя на пояснице – ее ласково подтолкнули к краю большой крестильной купели. Пока пожилой священник опускал персты в святую воду и рисовал крест на лбу Лизы, Беллина смотрела в ее глаза – темно-сливовые, как у бабушки, – любовалась совершенством линий младенческого личика и чуть не задохнулась от восторга, когда ей почудилось, что нежные губки вдруг волшебным образом изогнулись в улыбке.

А потом она ощутила на себе взгляд отца Бартоломео и постаралась принять серьезный и благочестивый вид взрослой девушки, каковой ей и надлежало быть, ибо от нее этого все ждали. Но Беллину неотступно преследовала мысль, что взгляд священника вот-вот прожжет дыру в ее кармане, где лежал украденный амулет. В любой миг, ужасалась Беллина, холстяная ткань ее нижней юбки могла вспыхнуть под горящим взором священника – тогда амулет с громким стуком выпадет у нее из-под подола на мраморные плиты, и ей, Беллине, ничего не останется, как тоже сгореть – от стыда, прямо посреди баптистерия. Она с трудом сглотнула и постаралась сосредоточиться на ангельском личике младенца.

Однако священника ее грехи не занимали – он уже снова переключил свое внимание на отца Лизы:

– Что надлежит записать в качестве приданого?

Ответом ему на сей раз был лишь легкий плеск воды, нарушивший тишину в полумраке под каменными сводами. Беллина наблюдала, как молодой священник умело снимает излишек чернил, проводя кончиком пера по ободку чернильницы.

Наконец отец Лизы вымолвил:

– Ничего.

И снова надолго воцарилась тишина.

Беллина знала, что казна Герардини пуста, но такого ответа даже она не ожидала. «В конце концов, все мы что-то скрываем, – подумалось ей. – Но отсутствие приданого...» Сомневаться не приходилось – едва ли это можно было скрывать долго.

Часть 2 В огонь

Анна

*Париж, Франция
1939 год*

Анна,

я знаю, что, прочитав мое письмо, ты сразу бросишься меня искать. Но если я для тебя хоть что-то значу, не делай этого. Не могу тебе ничего объяснить, поскольку тем самым подвергну опасности нас обоих, да и в любом случае я не представляю, с чего начать.

Кики вообще не в курсе, так что можешь ее не спрашивать.

Просто доверься мне.

Марсель

* * *

Анна, оглядываясь назад, в прошлое, пребывала в уверенности, что «Мона Лиза» ее спасла. Но когда она впервые попыталась объяснить это Эмилию – они в тот момент пили вино за столиком на тротуаре у кафе, мысль почему-то прозвучала глуповато. Эмиль поджимал губы, один уголок рта у него дергался то и дело в снисходительной полуусмешке, пока Анна рассказывала ему о своем первом визите в просторные галереи Лувра в свои школьные годы. Она помнила звонкое эхо шагов, отблески рассеянного света, серую униформу, простодушные восклицания детей, гомонящей гусиной стайкой переходивших из одного зала в другой. А потом экскурсовод хлопнула в ладоши, призывая к тишине школьников, взволнованных редкой оказией вырваться из унылой классной комнаты, Анна подняла глаза, увидела на стене лицо синьоры с таинственной улыбкой – и внезапно мир обрел фокус, словно в объективе фотоаппарата навели резкость.

Доводилось ли девочкам слышать о том, поинтересовалась экскурсовод, что Мона Лиза – реальная историческая личность, что она жила и дышала на нашей земле, что она улыбалась самому Леонардо да Винчи? Экскурсовод поведала, что Лиза Герардини была женой флорентийского шелкодела и торговца тканями Франческо дель Джокондо, но ей предстояло стать символической фигурой, воплощенным идеалом красоты, олицетворением самого итальянского Ренессанса, а имя человека, который написал ее портрет, сделалось одним из самых известных в истории человечества. Художник увековечил не только облик женщины, которая сидит, скромно сложив руки, но образ целой эпохи в одном-единственном портрете.

Анна слышала о La Joconde, разумеется, однако в тот день, стоя перед картиной, впервые внимательно всмотрелась в ее лицо. Да, синьора улыбалась, но это был лишь намек, зарождение улыбки, еще недоступной зрению. Анне тогда показалось, что в выражении лица Лизы таится меланхолия, возможно даже скорбь.

Юная Анна была так поглощена рассказом экскурсовода о Лизе Герардини и загадочным выражением лица флорентийки, что на несколько минут забыла обо всем прочем. Она забыла о том, что ее мать предпочитает проводить вечера в кабаре, вместо того чтобы кормить детей ужином. Забыла, что ей нужно вовремя забрать младшего брата – он рассчитывает на нее в отсутствие матери и будет скучать на школьном дворе в одиночестве, пока Анна за ним

не придет. Забыла все истории, придуманные об отце – что он был дипломатом из далекой страны, что он потерпел кораблекрушение, что он работает разведчиком. Забыла о дюжине мелких хлопот, которые ждали ее дома – надо было заштопать варежки, вычистить кастрюли, постирать и развесить белье.

Вместо этого флорентийская синьора, жившая много веков назад, заставила Анну задуматься о чем-то большем. О чем-то намного большем, чем ее собственное существование. О вещах, которые наполняют жизнь тайной и придают ей смысл. О необъятном океане истории и о мире за пределами ее привычного мирка. Анна тогда еще ничего не знала об искусстве, но женщина на картине зажгла в ее сердце искру любопытства, взбудоражила воображение.

В последующие годы Анна много читала об искусстве. Она приходила в Лувр каждую неделю, когда музей на несколько часов открывал свои двери для бесплатного посещения, и всякий раз надолго задерживалась перед портретом флорентийки, пытаясь разгадать секрет ее улыбки.

По окончании лица Анна пришла в Лувр работать.

* * *

Под оглушительное стаккато клавиш пишущей машинки Анна, не переставая печатать, бросила взгляд на черные буквы, появившиеся из-под красящей ленты на бумаге.

ОСИРИС. ЕГИПЕТ. ДРЕВНЕЕ ЦАРСТВО

Инвентарный номер E 115

Красный 1

Клац, клац, клац, дзынь... Она дернула рычаг, чтобы передвинуть каретку шумной, дребезжащей «Оливетти» к началу новой строки. Щурясь от резкого света настольной лампы, взглянула на настенные часы и подумала, не пора ли домой. В обычный день она ушла бы с работы в луврском архиве несколько часов назад. Забежала бы в квартиру сменить строгую рабочую одежду на любимое красное платье, подходящую к нему *cloche*⁶ и кожаные туфли цвета каберне на каблуках, взяла бы Эмилия под руку, и они вместе отправились бы в любимый местный ресторанчик ужинать жареными стейками или в Латинский квартал на скрипичный концерт.

Но сейчас, следя за перемещением секундной стрелки по циферблату, Анна вдруг поняла, что Кики даже и не заметит, вернулась она сегодня домой или нет, Марсель наверняка уже спит – устал за день караулить произведения искусства в этом же музее, куда Анна сама устроила его охранником, – а Эмиль... Эмиль ее больше не ждет, с того самого кошмарного вечера, когда сказал ей, что любит одну из ее самых близких подруг. В тот миг Анна потеряла одновременно любимого мужчину, лучшую подругу и надежду обустроить свою жизнь. Мелькнула болезненная мысль, что ее совсем никто не ждет.

Девушка с глубоким вздохом откинулась на спинку металлического стула. Спешить ей некуда, значит можно еще поработать. Она провела пальцем по строчкам на странице с описью египетских древностей, лежавшей на столе. Большинство людей сочли бы эти стопки бумаги с сухим перечислением инвентарных номеров, дат и сведений о происхождении экспонатов воплощением скуки. Но для Анны в каждой строчке таилась целая история – история уникального творения рук человеческих, его приобретения, хранения, путешествий из коллекции в коллекцию и даже похищений. Больше всего в этом захватывающем море информации ее поражало, сколько предметов искусства и материальной культуры попали в Лувр несправедливыми

---

⁶ Женская шляпка-«колокольчик», модная в 1920-х – начале 1930-х г. (*фр.*)

путями: бесценные древности похищали из гробниц и вывозили на кораблях, иконы выносили из церквей, картины Старых мастеров попросту снимали со стен в чужих домах и привозили во Францию солдаты во время Наполеоновских войн.

Анна потеряла щеки и постаралась поудобнее устроиться на жестком стуле. Раз уж она собралась трудиться всю ночь, надо, чтобы в голове прояснилось. Она была всего лишь машинисткой, но в работе ей требовались точность и собранность. Если она пропустит хоть одну строчку текста, от этого будет зависеть судьба бесценных произведений искусства – вместо того чтобы вернуться на свое место, какое-нибудь из них попросту потеряется из-за ее ошибки. Она попыталась сосредоточиться под треск чужих печатных машинок в ярком свете дюжины настольных ламп вокруг и не обращать внимания на внутренний голос, который нашептывал, что ей наверняка суждено до конца жизни оставаться прилежной одинокой машинисткой, что, возможно, больше никто и никогда не будет ее ждать...

– Нужен перерыв? – Люси, главный архивариус, остановилась возле Анны, глядя на нее с грустью и сочувствием – быть может, прочла затаенное отчаяние в выражении ее лица? Сама Люси выглядела сейчас как и весь остальной персонал Лувра – воплощение кипучего энтузиазма, странным образом смешанного с изможденностью. Ее тусклые каштановые волосы были собраны в пучок на затылке; на бледной коже отчетливо обозначились морщинки в уголках глаз. Но скупая улыбка, как и сочувствие были искренними.

Анна тоже постаралась ответить улыбкой в знак признательности за заботу.

– Нет времени на усталость. – Она похлопала ладонью по стопке описей, которые нужно было перепечатать.

Люси обвела утомленным взглядом хранилище архива. Коридоры и проходы здесь повсюду были заставлены новыми деревянными ящиками, заслонявшими шкафы с папками.

– Когда закончишь страницу, найди меня. Хочу тебе кое-что показать.

Анна проводила взглядом изящную фигуру начальницы, растворившуюся в полумраке коридора.

Ей сделалось не по себе – не приходилось сомневаться, что сюрприз, обещанный Люси, едва ли будет приятным. Хорошие новости тем летом оказались в дефиците, после того как президент Лебрен посоветовал дирекции Лувра готовиться к нападению Германии. Каждый сотрудник музея, даже распоследняя помощница архивариуса вроде нее с тех пор были привлечены к инвентаризации, консервированию и упаковке экспонатов.

Сейчас, когда время перевалило за полночь, Анна, шагая по галереям, видела музейных хранителей, озабоченно и молча сновавших в разных направлениях. Всё, от египетских мумий до живописных полотен Наполеоновской эпохи, уже было упаковано в сколоченные на скорую руку деревянные ящики и промаркировано буквами MN – Musées Nationaux⁷. Анне казалось до слез неправильным и нечестным снимать со стен бесценные картины, вытаскивать холсты из рам... Как будто в замке, населенном благородными рыцарями, объявили срочную эвакуацию. Это было несправедливо. Она знала, что многие из хранившихся в музее произведений искусства уже и раньше подвергались опасности, но у нее сжималось сердце при мысли о том, что эти сокровища окажутся под прицелом. Коллекции экспонатов занимали тринадцать километров галерей – и все это предстояло упаковать. Задача казалась невыполнимой, и теперь уже Анна не удивлялась, что Лувр не только отозвал персонал из отпусков, но и набрал множество волонтеров, и что даже таким незначительным сотрудникам, как она, приходится работать по ночам.

Люси нашла в галерее с экспозицией наполеоновских коронационных регалий – стояла там со стопкой листов в руках. Заметив вошедшую Анну, она поманила ее к себе:

– Наверное, это совсем не то, чего ты ожидала, когда устраивалась сюда на работу...

---

⁷ Национальные музеи (фр.).

– Но я всегда хотела работать в Лувре, со школьных лет, – честно призналась Анна. – Где же мне еще быть, как не здесь? – Она замолчала, внезапно подумав, что, засиживаясь в музее за полночь, спасает себя от возвращения в пустую квартиру к суровой реальности собственной жизни и к мыслям о том, что ей некуда больше идти.

Люси улынулась, и ее лицо просияло на миг, а потом снова сделалось озабоченным:

– Понимаю. И надеюсь, что мы все сюда еще вернемся.

– Вы правда думаете, что немцы могут тут все уничтожить? – спросила Анна.

Люси, закусив губу, кивнула и посмотрела сквозь стекло на корону императрицы Евгении:

– Или, скорее, разграбить. Так или иначе, мы знаем, что делать. Это наша третья эвакуация.

Анна слышала о том, как Лувр вывозил свои сокровища во время Великой войны⁸. «Мону Лизу» и множество других шедевров запаковали и отправили тогда на грузовиках, повозках и в железнодорожных вагонах на юг, за семьсот километров, в надежное убежище – средневековую якобинскую церковь в Тулузе. Теперь персонал Лувра снова пребывал в ажитации – люди понимали, что может случиться, если не принять меры со всей поспешностью.

Анна подошла к огромному окну и посмотрела вниз, на один из внутренних дворов Лувра. За мешками с песком почти не видно было выстроившейся там вереницы грузовиков. Люси проследила за ее взглядом.

– У месье Жожара возникли трудности с получением необходимого количества грузовиков. Ему нужны тридцать, но насколько я слышала, пока есть только двенадцать. Он пытается сейчас договориться еще о пяти. Нам сгодится любой грузовик, который удастся найти в городе.

– Куда увезут экспонаты? – спросила Анна, глядя на силуэты машин, смутно вырисовывавшиеся в темноте величественного, просторного двора.

Люси поколебалась, прежде чем ответить:

– В какое-нибудь безопасное место. Вернее, в разные безопасные места.

Анна кивнула. Действительно, невозможно было представить себе одно здание, безопасное и одновременно достаточно большое, чтобы вместить «Мону Лизу» и тысячи других сокровищ.

Они с Люси направились в ближайший коридор, где кипела бурная деятельность. Анна мельком заметила мраморную скульптуру, обложенную мешками с песком, и застыла, пораженная, узнав статую прекрасной древнегреческой богини без рук.

– Венера Милосская, – растерянно пробормотала девушка. – Но ее же нельзя оставлять!

Люси сурово покачала головой:

– Она останется. И «Рабы» Микеланджело – тоже. Эти скульптуры слишком хрупкие, перевозить их рискованно. Смотри, Анна, вот что я хотела тебе показать. – Люси остановилась в коридоре. Вдоль одной стены здесь были ровно расставлены деревянные ящики. Начальница архива провела пальцами по одному из них. – Ты, должно быть, уже убедилась, что составление точных описей – важная часть всей нашей операции.

Анна посмотрела на номер, написанный на ящике, и поняла, что он уже встречался ей в рукописных листах, которые лежали рядом с ее пишущей машинкой.

– За последние несколько часов я перепечатала тысячи таких номеров. А что означает вот это? – Она указала на зеленый кружок, нарисованный на боку ящика.

– Приоритет, – пояснила Люси. – Красный кружок говорит о том, что содержимое ящика имеет высочайшую ценность. Зеленый – ценность поменьше. Желтый – еще меньше.

---

⁸ Великой войной в Европе называли Первую мировую (1914–1918).

Анна пробежала взглядом по ящикам, изумляясь простоте этой цветовой системы обозначений – и ее масштабу. Тысячи ящиков в галереях музея были подписаны и промаркированы. От осознания сути происходящего девушка похолодела. Она была рада, что не ей приходится делать выбор. Египетские, греческие, римские древности, портреты королевских династий, скульптуры Микеланджело, вся Луврская библиотека и архивы... Как тут принять правильное решение, определяя, что спасти в первую очередь?

– У нас еще столько дел, а время поджигает, – сказала Люси. – Месье Жожар попросил отобрать несколько надежных сотрудников архива, которые поедут с нами. И первый человек, о ком я подумала, – это ты. – Люси посмотрела Анне в глаза.

– Я? – Девушка невольно открыла рот от неожиданности. – А куда нужно ехать?

– Сопровождать эти сокровища. – Люси указала на расставленные вдоль стены ящики.

– Но я... – растерялась Анна, – я всего лишь машинистка...

– Может, и так, но ты одна из самых ответственных работниц, которых я знаю. – Люси на мгновение сжала руку Анны. – Прежде чем включить тебя в список, я должна была спросить, согласна ли ты. Мы проведем в пути... увы, я не знаю, сколько времени. И я не вправе назвать тебе место назначения. Могу лишь сказать, что мы поедем в надежное укрытие в провинции, вдали от городов. Дирекция Лувра, разумеется, обеспечит нас питанием и ночлегом. Мне понадобится много помощников.

Анна понимала, какое бремя на нее возлагают. Одно дело – перепечатывать инвентарные номера, и совсем другое – сопровождать бесценные произведения искусства на пути в неизвестность. А уж взять на себя ответственность за их безопасность... Неподъемный груз.

Люси между тем продолжала:

– Я ничего не знаю о твоём семейном положении. У многих из нас есть мужья, жены, дети. Нелегкое дело – попросить кого-то бросить все и покинуть Париж на машине, груженной музейными экспонатами. Мы с Андре, моим мужем, отправили нашу дочь Фредерику к родственникам в деревню. А сами, конечно же, поедем с остальным персоналом музея. Учитывая наши должности в Лувре, мы просто не можем отказаться.

Вопрос о семейном положении окончательно смутил Анну. На миг у нее в голове мелькнула мысль об Эмиле, но девушка тотчас ее прогнала. Затем она подумала об обветшалой квартирке, которую делила с матерью – когда та считала возможным вернуться ненадолго из кабаре – и братом.

– Обдумай все хорошенько, – начала Люси. – Но ответ от тебя мне нужно получить как можно скорее, потому что...

– Я еду, – перебила ее Анна.

Начальница архива вскинула бровь. Последовала долгая пауза. Анна взглянула в темные, выразительные глаза Люси, поблескивавшие в полумраке, и отвернулась.

– Я хочу, чтобы ты была уверена в своём решении. Неизвестно, когда мы снова увидим Париж.

Анна вспомнила о своей первой встрече с «Моной Лизой» много лет назад, затем о пустом прямоугольнике на стене в том месте, где еще вчера висел знаменитый портрет флорентийской синьоры. Люси сказала – один красный кружок на ящике означает, что произведение искусства, которое находится в нем, обладает высочайшей ценностью. А сегодня Анна впервые увидела три кружка. Три красных кружка. Бесценный экспонат. Уникальный. Неповторимый.

Анна снова посмотрела Люси в лицо:

– Я уверена. И брата с собой приведу. Когда мы выезжаем?

Люси устало улыбнулась ей:

– Иди домой, собирай вещи. Первые грузовики отправятся на рассвете. Что-то мне подсказывает, что немцы будут здесь раньше, чем мы ожидаем.

* * *

Быть может, она поспешила сказать «да»? Не в характере Анны было принимать скоропалительные решения. Этим как раз отличался Марсель...

Засунув руки глубоко в карманы юбки, девушка шагала на север по луврскому двору Наполеона. Раньше, прогуливаясь вдоль величественного фасада музея, мимо бесчисленных колонн, изящных арок, она всегда восхищалась головокругительным масштабом этого сооружения и чувствовала себя покойно, безопасно. Сейчас же, когда у нее под ногами снова хрустел гравий на неосвещенном дворе, ей чудилось, что музей, ее любимый музей, тоже упакован в ящик, как «Мона Лиза». Фасады почти скрылись из виду за подпиравшими их строительными лесами с мешками песка. Перекрикивались рабочие, укрепляя эти конструкции, перебрасывали друг другу мешки, и те падали, поднимая облачка пыли в лунном свете. Больно было думать о том, что эти укрепления призваны защитить здание музея и все, что в нем останется, от уничтожения. Она вспомнила, с какой горечью Люси говорила о прошлых эвакуациях – капля этой горечи просочилась и в ее собственное сердце. Как кому-то может прийти в голову уничтожить лучшие достижения творческой мысли человечества?

Париж всегда переполняла кипучая энергия жизни – в любое время суток здесь звучала музыка, и где-нибудь непременно били фонтаны света; даже глубокими ночами по улицам мчались машины и гуляли толпы людей. Но не сегодня. Переходя широкую авеню перед Гардю-Нор – Северным вокзалом, Анна обнаружила, что проезжая часть пуста и на тротуарах нет пешеходов. По пути ей встретились лишь несколько человек – они, словно тени, растворились в переулках. На больших улицах витрины магазинов были закрыты ставнями.

Дом, где жила Анна, стоял зажатым между другими такими же каменными домами, которые выстроились в линию вдоль замызанной узкой улочки на задворках Десятого округа. Поворачивая ключ в дверном замке парадной, она очень старалась не шуметь, а потом осторожно прокралась мимо двери консьержки – сил на диалог со старой мадам Бродёр, которая непременно выскочит оттуда и примется бранить ее за позднее возвращение, не было. Тихо шагая по ступенькам, Анна поднялась в квартиру, выходившую окнами на улицу.

Знакомый запах сырости тотчас окутал ее, когда она вошла и прикрыла за собой дверь – бесшумно, чтобы не разбудить брата. Было темно и тихо, только поскрипывали половицы у Анны под ногами. В полумраке проступали очертания кресел, доставшихся матери по наследству от далеких предков, – некогда эти предметы мебели казались изысканными и диковинными, но обветшали и теперь выглядели потрепанными и усталыми. Порой, возвращаясь с работы, Анна заставляла мать в гостиной на продавленном диване, дрейфующую на зеленых волнах абсента, изготовленного собственноручно ее знакомым барменом; рядом, в керамической пепельнице на тумбочке, неизменно дымилась непогашенная самокрутка. Но сегодня в комнате было пусто.

Анна на ощупь добралась до маленькой кухни – капель из крана выбивала несмолкающую дробь по раковине, покрытой ржавыми пятнами. Девушка выкрутила вентиль вправо, но течь не унялась. Глаза уже привыкли к темноте, и она направилась по коридору к маленькой спальне, которую делила с братом. Интересно, как Марсель воспримет известие о том, что она собирается уехать из Парижа с персоналом музея? Согласится ли отправиться с ней? Анна различила в полумраке очертания двух кроватей и старой лампы на шатком столике между ними. В детстве Анна и Марсель часами лежали в темноте, перешептываясь, жалуясь друг другу на мать, которая поручала дочери присматривать за непоседой сыном, пока сама пропадала на Монмартре.

Анна вошла в комнату, ожидая увидеть знакомую картину: в одном углу свою аккуратно заправленную кровать, в другом – разобранную, скомканную постель Марселя. Но она ошиб-

лась – кровать брата тоже была аккуратно заправлена. Анна постояла секунду, вглядываясь в полумрак, затем подошла ближе и даже провела ладонью по ветхому покрывалу, словно Марсель мог затаиться под этой ровной поверхностью.

– Марсель, – позвала Анна, ей никто не ответил. – Марсель! – повторила она громче и огляделась. Открыла узкую дверь туалета. Никого.

Ну и где он пропадает на этот раз? Недавно она уже пыталась его расспрашивать, почему он так поздно приходит домой, но брат отвечал уклончиво. Вернувшись в спальню, девушка зажгла лампу на столике между кроватями и краем глаза увидела на подушке Марселя что-то белое. Оказалось, это сложенный пополам листок бумаги с ее именем, написанным небрежным почерком Марселя.

Через минуту Анна, хватаясь за кованые перила, уже бежала вниз по ветхим ступенькам. На пороге комнаты у основания лестницы ее поджидала мадам Бродёр – решительно заступила дорогу, скрестив руки на груди. Консьержка была в сером домашнем латаном халате, который всегда носила на дежурстве, как униформу; от вечно хмурого выражения лица по бокам рта у нее пролегли глубокие, резкие морщины.

– Что, тоже куда-то намылились посреди ночи, мадемуазель? Как и ваш братец?

– Вы видели Марселя? – запыхавшись, шагнула к ней Анна.

Консьержка кивнула:

– Пару часов назад. Разбудил меня еще до того, как вы явились, мчался по ступенькам с диким топотом, закинув на плечо вещмешок. – Она покачала головой. – Наверняка вляпался опять во что-то дурное, а?

Анна на секунду прикрыла глаза, но на провокацию мадам Бродёр не поддавалась. Стало быть, Марсель ушел с вещами. Анна уже со счета сбилась, сколько раз ей приходилось вытаскивать брата из разных передряг, но старухе консьержке она ничего не ответила – молча прошла мимо нее и направилась к выходу на улицу.

– Но вы-то вроде приличная девушка, – бросила ей в спину мадам Бродёр, – не то что ваши родственнички. По их кривой дорожке не пойдете? Мадемуазель!...

* * *

Торопливо шагая к Монмартру, Анна старалась унять всполошенное сердце. В конце концов, Марсель пытается сбежать не в первый раз. Она помнила, как в детстве – в раннем детстве, когда ей еще приходилось подниматься на цыпочки, чтобы повернуть дверную ручку, – они с братом играли в крошечном саду возле их многоквартирного дома. Она отвернулась на секунду, чтобы напоить воображаемым чаем из шляпки желудя своего плюшевого зайца, а когда повернулась обратно, Марсель исчез. Уже тогда Анна знала, что звать на помощь Кики бесполезно. Теперь ей казалось странным и смешным, что двое малышей обращались к родной матери, произнося ее сценический псевдоним. В те годы они даже не знали ее настоящего имени, лишь много позже выяснилось, что мать зовут Анриетта. Но все взрослые вокруг называли ее только Кики – немудрено, что и для детей это стало вполне естественным. Потеряв Марселя из виду, Анна тогда бросилась к тротуару, громко окликая его, а потом увидела, что карапуз ковыляет к краю проезжей части. Он уже занес пухлую ножку над дорогой, когда Анна схватила его сзади и рванула на себя прямо из-под колес автомобиля, промчавшегося мимо в лязге металла. С тех пор она так и бегала за братом, настигая и спасая на самом краю. Бесчисленное множество раз находила ему работу, но Марсель, продержавшись на новом месте пару недель, все бросал под предлогом, что, мол, «подвернулся вариант получше», и попросту исчезал. Сколько было таких исчезновений, полуночных звонков по телефону, стычек с полицией, когда он проводил время в сомнительных компаниях...

Всего несколько недель назад Анна устроила брата в Лувр охранником. Она стояла перед старинным деревянным столом Жоржа Дюпона, главы службы безопасности музея, и этот здоровенный, быкоподобный господин, поглядывая на нее поверх очков, выслушивал ее заверения в том, что Марсель – очень ответственный молодой человек, а также честный, надежный, заслуживающий доверия. Все время, пока говорила, она держала пальцы скрещенными за спиной и старалась изо всех сил верить собственным словам. А теперь... Теперь Марсель, наверное, уже бросил работу, которую она добыла для него, поставив на кон свою репутацию.

И тем не менее у нее никогда не получалось долго сердиться на брата. Его улыбка становилась еще лучезарнее, а взгляд небесно-голубых глаз – простодушнее, если он что-нибудь замышлял. А уж когда Марсель заключал ее в дружеские объятия и благодарил за то, что она всегда за ним присматривает, Анна таяла и смягчалась окончательно. Они всю жизнь были верными друг другу спутниками на неведомом, изменчивом пути и соратниками в противостоянии всему миру. К тому же у Марселя было доброе сердце, Анна в этом не сомневалась. Но она не знала, сколько еще сможет терпеть его внезапные исчезновения.

На этот раз все было по-другому. Раньше Марсель никогда не оставлял ей записок. И никогда не просил, чтобы она его не искала.

Анна свернула с улицы в своем квартале на боковую дорожку и принялась подниматься по лестнице вверх по склону Монмартра. На полпути остановилась отдышаться. Окинула взглядом с высоты привычную панораму Парижа. Она ожидала увидеть шпили собора Нотр-Дам, словно выгравированные на фоне неба, но этой ночью готический храм превратился в расплывчатое черное пятно, и даже знаменитая Эйфелева башня растворилась во тьме – огни погасили, чтобы цели не видно было с воздуха.

Преодолев подъем, Анна повернула к улочкам, где кабаре, некогда пользовавшиеся почетом и славой, все еще принимали посетителей. Наверное, Монмартр по ночам казался бы ей, как и всем, прекрасным и удивительным, если бы не был так тесно связан в сознании Анны с годами треволений из-за матери. Обычно местные улочки полнились смехом и звуками аккордеона, магазинчики, выстроившиеся вдоль извилистых мостовых, были ярко освещены, и владельцы многих из них выносили свой товар на тротуары, привлекая покупателей. Но не сегодня. Монмартр, как и весь город, накрыла пелена затемнения. Свет в витринах был погашен, большинство из них пряталось за деревянными и металлическими ставнями. Несколько редких прохожих торопливо прошмыгнули мимо.

Кабаре, в котором мать Анны и Марселя проводила большую часть времени, однако, переливалось огнями. Анна всегда старалась обходить это заведение под названием *La Cloche* – «Колокол» – стороной, даже если мать предпочитала ночевать там, а не в их ветхой квартирке. Монмартрские кабаре давным-давно утратили свой глянец *Belle Époque*⁹, которая и сама канула в прошлое, потеряли блеск и престиж последних пяти десятков лет и превратились в бездарные пародии на самих себя, прежних. Они пережили мировую войну, катастрофический спад в экономике и, как стареющие проститутки, повидавшие на своем веку все разнообразие унижений, вид имели потасканный, изнуренный, но еще хорохорились и подмалевывали фасады. То же самое можно было сказать и о коллегах Кики: ученицы самых престижных балетных школ, некогда подававшие большие надежды, ныне тщились продлить свое существование на сцене, собрать осколки былой жизни хотя бы в гримерках.

Анна вошла в кабаре через заднюю дверь, стараясь не обращать внимания на привычную тошнотворную смесь запахов – косметики, пота, рвоты и опилок. Мать она нашла свернувшейся клубком на узкой банкетке в одной из гримерок, посреди ворохов измятых платьев с блестками, рваных чулок и пустых жестянок из-под кремов и румян. По пути за кулисами она наткнулась взглядом на пару пыльных противогазов, валявшихся у деревянных подпорок

⁹ Прекрасной эпохи (*фр.*). Исторический период в Европе с конца XIX в. до начала Первой мировой войны в 1914 г.

сцены, брошенных давным-давно в суеде и забытых. Это послужило ей напоминанием, что надо успеть вернуться в Лувр как можно раньше, ведь она пообещала Люси, что покинет Париж вместе с другими музейными работниками на рассвете. Когда еще доведется свидеться с матерью, было неизвестно, и от одной этой мысли в душе шевельнулась жалость.

– Кики, – позвала Анна, подергав бретельку ее поношенного зеленого платья. – Мaman...¹⁰

Кики приоткрыла сначала один налитый кровью глаз, затем второй.

– Chérie?...¹¹ – Голос прозвучал хрипло. Она ухватила за протянутую дочерью руку и кое-как приняла сидячее положение на банкетке. – Ты что здесь делаешь?

«Прогресс», – подумала Анна. Зачастую, когда она приходила в кабаре, Кики и вовсе отказывалась просыпаться. Ее руку мать держала крепко.

– Мне надо с тобой поговорить, – сказала Анна. – Ты слышишь меня? Послушай, пожалуйста.

Кики молча потянулась за недокуренной сигаретой, лежавшей в пепельнице на столике у банкетки.

– Кики, – повторила Анна. – Послушай меня. Марсель сбежал.

– Сбежал? – Кики икнула и хихикнула. – Вот уж удивила. Мальчишка весь в отца. – Она чиркнула спичкой, раскурила мятый бычок и, глубоко затянувшись, уставилась на дочь, щурясь от дыма.

В примерке, заваленной ворохами пестрых платьев, Анна чувствовала себя глуповато в строгой белой блузке, серо-коричневой юбке и поношенных кожаных туфлях.

– Он оставил записку, – продолжила девушка и протянула матери сложенный листок бумаги. – К тебе не заходил?

– Кто, Марсель? – Кики фыркнула. – Этот ребенок не считает нужным со мной откровенничать. – Она встала, помассировала поясницу и принялась копать в баракле на туалетном столике. – Который час?

– Скоро уже рассветет, – сказала Анна. – У тебя есть предположения, куда он мог отправиться?

Кики пожала плечами:

– Куда-нибудь да отправился со своей новой подружкой. С девушкой. С той хорошенькой еврейкой.

«С девушкой?.. С хорошенькой еврейкой?..» – в недоумении мысленно повторила Анна.

– У Марсея нет девушки, – вслух сказала она.

– Ты просто не в курсе. – Кики широко улыбнулась дочери.

Анна помотала головой. Нет, мать ошибается, у Марсея не может быть девушки – она в этом не сомневалась. Марсель всегда рассказывал ей, сестре, обо всем. Ведь обо всем же... Внезапно Анне пришло на ум, что в последнее время брат всегда отлучался куда-то из Лувра в обеденный перерыв и все чаще возвращался домой поздно.

Мать как будто прочла ее мысли:

– Неудивительно, что он тебе не сказал – наверно, боялся, что ты испортишь ему всю малину. Да ты и сама не очень-то интересовалась его делами, надо думать, потому что была занята своей grand amour, n'est-ce pas?¹²

Анну эти слова задели, но она смолчала, лишь качнула головой. Как она могла признаться в том, что Эмиль бросил ее, если мать всю жизнь меняет мужчин как перчатки – легко бросает

---

¹⁰ Мама (фр.).

¹¹ Милая?.. (фр.)

¹² Великой любовью, не так ли? (фр.)

их сама и легко находит новых. Лучше с ней вообще не обсуждать такие темы. Анна вернулась к разговору о Марселе:

– Он мог попасть в опасную историю. И это сейчас, когда нам надо уезжать из города...

Мать сделала еще одну затяжку, выжав последнее из коротенького окурка, и раздавила его в пепельнице.

– А ты-то куда собралась, *mon petit chou*?¹³

Анна со вздохом опустилась на край банкетки, где раньше спала мать:

– Честно говоря, понятия не имею. – Дальше она рассказала обо всем, что творилось в Лувре в последние дни, и о предложении сопровождать коллекцию произведений искусства – в том числе «Мону Лизу» – в некое безопасное место.

Кики слушала, не перебивая, поглядывала на нее в кружащих по примерке пылинках. Под конец подошла и села рядом с дочерью.

– «Мона Лиза», ишь ты! – Она откинулась спиной на засаленные подушки у стены, театрально взмахнув рукой. – Старая кошелка вроде меня.

Анна серьезно взглянула на мать:

– Я не знаю, когда смогу вернуться. – Ей вдруг сделалось тревожно. – Кики, немцы наступают, – веско сказала она. – Люди бегут из города. Тебе тоже нужно уехать из Парижа. Говорят, вот-вот начнутся бомбардировки...

Кики взглянула на нее и рассмеялась:

– Куда же мне податься?

– Ты можешь поехать со мной... – начала Анна, но замолчала, увидев скептическое выражение ее лица. Попробовала придумать другие варианты, но не сумела – родственников за городом у них не было. – Не знаю. Куда-нибудь, где немцы тебя не найдут.

– *Les allemands!*¹⁴ – Кики расхохоталась еще громче. – Да пусть приходят. Они всегда были нашими лучшими зрителями. – Она пожала плечами. – Фрицы, англичане – все эти ребята обожают шоу. Кормильцы наши.

Анна, покосившись на мать, в очередной раз подумала, что та питается исключительно табаком и абсентом. А если Кики думает, что настоящая еда у них на семейном столе появляется благодаря ее скудному заработку в кабаре, а не жалованью, которое приносит старшая дочь, ну что ж...

Девушка вздохнула, почувствовав привычно нарастающий стыд за Кики, но, снова взглянув на костлявую фигурку, которая скрючилась на краешке банкетки, устало поняла, что сейчас способна испытывать к ней только жалость. Она пододвинулась к матери, убрала с ее лица пряди седеющих волос и поцеловала в веснушчатый влажный лоб.

– Мне пора, Кики. Я пообещала, что вернусь в музей на рассвете. Марсель должен был ехать со мной, а теперь я не знаю, что сказать коллегам. – Анна встала и шагнула было к выходу, но мать худой рукой удержала ее за запястье.

Когда Кики взглянула в лицо дочери снизу вверх, ее голубые глаза были лучезарны и ясны. Таких ясных глаз Анна не видела у нее уже несколько месяцев.

– Анна, – сказала Кики, и девушка вздрогнула. – *À la prochaine!*¹⁵

Анне почему-то подумалось, что она говорит так всем своим уходящим клиентам – немцам и прочим.

– Не разыскивай брата, детка. В этот раз не нужно. – Она легонько пожала руку Анны. – Отпусти его. Ты всю жизнь гоняешься за этим мальчишкой. Пора тебе позаботиться о себе самой.

---

¹³ Голубушка (*фр.*)

¹⁴ Немцы! (*фр.*)

¹⁵ До скорой встречи! (*фр.*)

* * *

Анна, промчавшись по саду Тюильри, вбежала на открытый двор Лувра в последнюю минуту – колонна была готова к отправлению. Шофер забросил ее скромный чемоданчик – пара смен одежды, предметы первой необходимости – на пассажирское сиденье грузовичка с рекламой ремонтной мастерской для швейных машинок на бортах и махнул рукой:

– Забирайтесь!

Анна медлила. Она смотрела на охранников в униформе, стоявших во дворе Лувра, вглядывалась в их лица и гнала от себя знакомое с детства чувство, будто она ищет и не может найти брата, который опять от нее улизнул. Но в этот раз все было по-другому. Марсель исчез. Действительно исчез. У нее за спиной зарокотал мотор, и Анна неохотно взгромоздилась на потертое пассажирское сиденье, мысленно выругав брата.

– Спасибо, – сказала она сидевшему за баранкой молодому человеку, мысленно отметив крепкие предплечья, темные кудри и правильные, изящные черты его лица.

– Вовремя вы успели, – отозвался он, просияв мимолетной улыбкой, и полез поправлять боковое зеркало, в котором отразилась длинная вереница машин.

– Да, – кивнула Анна, утонув в сиденье. Она обернулась – кузов грузовика был заполнен от бортика до бортика деревянными ящиками, промаркированными разноцветными кружками. На все лады закрипели рессоры – колонна тронулась в путь, начала выезжать с обширного двора. Анна высунулась в окно, надеясь бросить последний взгляд на величавые музейные фасады, чтобы сохранить в памяти здание, которое она считала своим домом в большей степени, чем какое-либо другое, но в тусклом сиянии зари увидела лишь темную громадину, заключенную в деревянные подпорки и обложенную мешками с песком.

У Анны сжалось сердце. Она впервые в жизни покидала Париж.

– Mon Dieu¹⁶, – пробормотала девушка, – до сих пор не верится, что музей почти опустел. Шофер бросил на нее быстрый взгляд.

– А я там и не был никогда, – признался он.

– Что?! – округлила глаза Анна. – Никогда? Вы не в Париже живете?

– В Париже. Просто занят очень. Работаю в ремонтной мастерской рядом с текстильной фабрикой. Мы чиним машины для обивочных тканей, тесьмы и позументов. Ну и швейные машинки тоже.

Анна улыбнулась – он очень смешно произнес слово «позументов», вызвавшее у нее ассоциации с узорчатыми лентами и бахромой для богатых домов, в которых сама она и не мечтала побывать.

– Вы не француз.

Он покачал головой:

– Нет, я итальянец. Точнее, флорентиец. Мои родители приехали сюда, когда я был мальчишкой. Отец был портным во Флоренции, но дела в Италии не заладились, и наш родственник нашел работу для моих родителей здесь. Они обжились на новом месте, устроились оба на швейную фабрику в Сантье¹⁷. Когда мы переехали во Францию, мне было десять.

– Тогда стыд вам и позор! Вы столько времени прожили в Париже, да еще и неподалеку от Лувра, а до сих пор не побывали в музее! – возмутилась Анна. – Хоть разок-то могли туда заглянуть.

– Ну, теперь уже поздно. – Шофер снова бросил взгляд в боковое зеркало на удалявшееся огромное здание музея. – Кстати, меня зовут Коррадо.

---

¹⁶ Боже мой (*фр.*).

¹⁷ Сантье – район Парижа, центр текстильной промышленности и торговли.

– Анна.

– *Riacece*¹⁸. Ты работаешь в Лувре? – Взгляд карих глаз на секунду обратился к девушке и снова сосредоточился на дороге впереди.

Она кивнула:

– Я помощница архивариуса, в основном выполняю обязанности машинистки. Когда хотела стать художницей, но из-за семьи... В общем, можно сказать, не смогла себе этого позволить. Нужно было зарабатывать на жизнь, так что я устроилась в музей. Но мне нравится быть среди произведений искусства.

Коррадо улыбнулся, и Анна отметила про себя, что у него красивое смуглое лицо и прекрасные ровные зубы. Она рассматривала его профиль, пока он внимательно следил за дорогой – они проезжали по кварталу Монпарнас, мимо входа в старые катакомбы Парижа.

– А ты, значит, портной?

Коррадо покачал головой:

– Мой отец и брат портные. Наш род связан со швейным делом во Флоренции на протяжении многих поколений. Но я бы себя скорее назвал предпринимателем. Занимаюсь починкой швейных и обивочных машин от и до. Не представляешь, какое сложное оборудование нужно, к примеру, для шелковой обивки и разнообразной тесьмы. Ужасно хитромудрые штуковины. В этом грузовике я их и перевожу. Забираю у заказчиков, доставляю в свою ремонтную мастерскую, а потом обратно на фабрики.

– Как же так вышло, что теперь ты везешь картины... неведомо куда?

– В Шамбор, – сказал Коррадо, и звук «р» прозвучал у него раскатисто, на итальянский манер.

– В Шамбор, – повторила Анна со своим мягким парижским выговором. – В замок Шамбор? В Долину Луары? – Огромный белый королевский дворец она видела только на картинках, когда листала книги в библиотеке луврского архива.

Коррадо кивнул:

– Туда мы и направляемся. Дирекция музея арендовала наш грузовик. Похоже, им не хватает транспортных средств. – Он побарабанил пальцами по рулевому колесу. – Отказаться от государственного контракта я не мог да и сам давно хотел куда-нибудь выбраться из Парижа.

– Понимаю твоё желание. – Анна постаралась изгнать из мыслей образ Эмиля и обернулась в последний раз – Лувр был уже далеко, позади она видела лишь здания, обложенные мешками с песком. – Тебя здесь ничто... никто не держит?

Коррадо покачал головой:

– Нет, моя семья покинула город несколько недель назад. Заперли дверь в квартире и вернулись во Флоренцию. Думаю, они поступили разумно – решили уехать, как только услышали о наступлении немцев. Я поначалу собирался остаться и посмотреть, как все это будет, но потом пришли музейные работники и спросили, нельзя ли одолжить мой грузовик. Ну а я не позволю никому другому оседлать мою старушку. – Он похлопал по приборной доске, как будто это был бок любимой лошадки.

Колонна грузовиков продолжала движение по улицам, а восходящее солнце уже золотило украшенные лепниной фасады. Анна постаралась не обращать внимания на холодок страха, поселившийся в сердце. Неужели немцы действительно оккупируют Париж? Что тогда будет с Кики и Марселем, который пропадает неизвестно где?

– Мадонна, – пробормотал Коррадо и прищелкнул языком. – Мы не единственные, кому надо на юг. Смотри-ка.

Тротуары заполнились десятками пешеходов. Чем дальше продвигалась колонна, тем больше людей появлялось на улицах. Частные автомобили попадались редко, но целые семьи

---

¹⁸ Очень приятно (*ит.*).

катили самодельные тележки, груженные пожитками – кухонной утварью, одеждой, табуретками, всякой всячиной вперемешку. Неужели парижане пришли в такое отчаяние, что готовы были покидать город пешком?

Грузовики ехали между двух потоков людей с повозками, и Анна смотрела в окно, разглядывая лица беженцев – на всех была написана усталая решимость, семьи с нехитрым скарбом в руках шагали по тротуарам, где уже становилось тесно, и некоторые шли дальше по проезжей части. Анна задавалась вопросом, у всех ли из них есть план, знают ли они, куда идти, или большинство, как она сама, бегут в неизвестность, ведомые мыслью о том, что где угодно будет безопасней, чем в их любимой столице. Беженцы... За двадцать два года своей жизни Анна ни разу не видела подобной картины.

Ее внимание вдруг привлек высокий светловолосый молодой человек – он шагал впереди, обнимая за плечи стройную девушку. У Анны заполошно забилося сердце. Она высунулась в окно с криком:

– Марсель!

Молодой человек обернулся, нахмурившись, – она увидела бородку, орлиный нос и поняла, что обозналась. Это был не Марсель. Анна со вздохом откинулась на спинку сиденья.

– Знамого увидела? – спросил Коррадо.

– Ох... Мне показалось, что со спины тот парень похож на... В общем, я подумала на секунду, что это мой брат, который сейчас неизвестно где. Он написал мне только, что уезжает. – Она облокотилась на нижний край окна, снова устремив взгляд на толпы пешеходов. – И еще просил его не искать.

– Что ж, если твой брат решил уехать из города, это правильно. Он поступил разумно, – сказал Коррадо.

Анна не сдержала смех:

– Кто, Марсель? – И покачала головой. – Он за всю жизнь не сделал ничего разумного. Всегда был неуправляемым. Я с детства гоняюсь за ним, а теперь вот... – Голос Анны утонул в рокоте моторов грузовиков, и она замолчала.

– Ты, наверное, всегда заботилась о нем, – понял Коррадо.

– Можно и так сказать. Он всего на два года младше меня, но, видимо, даже война не сможет заставить его повзрослеть. – Анна вздохнула. – Марсель должен был ехать с нами. Мать думает, он куда-то отправился со своей новой девушкой, но ни о каких девушках брат мне не рассказывал. Когда я увидела на тротуаре ту молодую пару... – Голос Анны смолк, и она сгорбилась на сиденье, охваченная знакомым чувством тревоги и поражения, которое часто посещало ее из-за Марселя.

– Парни часто ведут себя глупо, – хмыкнул Коррадо.

– И не поспоришь! Мне всегда приходилось приглядывать за Марселем. – Она не отводила взгляда от гнетущей картины – толпа беженцев все прибывала, а солнце, поднявшееся уже довольно высоко, все ярче освещало их согбенные фигуры.

– И теперь тебе обидно, – сказал Коррадо.

Анна снова откинулась на спинку сиденья. Прав ли ее попутчик? Она совсем не знала этого итальянского водителя грузовика, и тем не менее он ухитрился попасть пальцем в ранку, уже саднившую где-то глубоко у нее внутри. В кабине воцарилось молчание – Анна задыхалась от гнева и чувства потери. Как мог Марсель с ней так поступить? Почему бросил ее? Она бы его никогда не бросила, никогда... Но ведь сейчас происходило именно это – она уезжала одна, без брата. Сердце защемило от боли, вызванной чувством вины и словами Коррадо про ее обиду – Анна все еще не могла ответить себе, прав он или не прав.

Некоторое время оба ехали в молчании. Центр города остался позади, появились первые дорожные указатели с надписью «Орлеан». Веки у Анны будто налились свинцом – она уже не

помнила, когда в последний раз не спала ночь напролет, как сегодня. Сон накатывал волнами, она засыпала, но рев мотора и тряска то и дело ее будили.

В какой-то момент Анна проснулась и увидела, что они едут между ровных, аккуратно размеченных, возделанных полей – по обеим сторонам дороги чередуются зеленые и золотистые квадраты, пшеница и ячмень плавно колышутся на ветру. Она потерла глаза, покосилась на Коррадо и заметила, как он поспешно отвел взгляд. Неужели смотрел на нее, пока она спала?

– Может, расскажешь подробнее, что за сокровища нам доверили? – деликатно подождав, пока Анна выпрямится и поудобнее устроится на сиденье, спросил Коррадо и махнул большим пальцем назад, в сторону кузова.

Анна, обернувшись, попыталась припомнить, что она видела во время погрузки.

– Вообще-то упаковали для эвакуации почти все экспонаты, – сказала она. – Но я перепечатывала часть описей, поэтому в основном знаю, что где. Трудно представить себе, что большинство экспонатов Лувра уместились в несколько десятков грузовиков, хотя до этого они хранились в огромном здании. Уму непостижимо!

– Наверно, теперь, когда галереи опустели, музей выглядит странно, – сказал Коррадо.

– Не то слово. Очень странно, – кивнула Анна. – Лувр теперь похож на кладбище. Боюсь даже думать о том, что будет со всеми этими бесценными произведениями искусства, сложенными в кузова, если вдруг произойдет авария или дорога окажется в рытвинах. От тряски экспонаты могут пострадать. Там королевские драгоценности, египетские древности, чей возраст составляет тысячи лет... и еще столько чудесных картин и скульптур...

– Я видел, как одну скульптуру заносили в грузовик побольше, – сказал Коррадо. – Она была чудна2я – без рук, без головы, только тело с крыльями. Огромная статуя – наверно, в два человеческих роста.

– Крылатая Ника Самофракийская! – догадалась Анна. – В Лувре она провела несколько десятилетий, а ее возраст – больше двух тысяч лет. Статуя настолько старая, что голова и руки не сохранились. Ее высекли из мрамора в Древней Греции. Я видела, как Нику спускали по лестнице в Лувре с помощью специально проложенных деревянных мостков. Казалось, она сама летела вниз на крыльях.

– Больше двух тысяч лет, – повторил Коррадо, качая головой. – Наверно, на ее создание ушли годы.

– А уничтожить ее может за секунду одна-единственная бомба. Или рытвина на дороге.

– Не волнуйся, мы доведем ее в целостности и сохранности и проследим, чтобы она благополучно приземлилась.

Коррадо улыбнулся, но Анне вдруг стало совсем грустно.

– Как это неправильно, несправедливо, что нам приходится прятать такие драгоценные шедевры, как «Мона Лиза», в деревянные ящики и куда-то везти на грузовиках, словно мешки с мукой. – Она обхватила себя руками за плечи. Столичный шум остался позади, теперь вокруг простирались первые поля и рощи. Поток беженцев обмелел, но на обочинах то и дело попадались небольшие группы людей, шагающих вдоль колышущегося моря пшеницы. – Все, что происходит сейчас, – неправильно, – повторила Анна. – Как ты думаешь, немцы правда придут?

– Без сомнений, – отозвался Коррадо. – Ты читаешь газеты? Это всего лишь вопрос времени. И все, что от нас требуется, – втянуть голову в плечи и держаться подальше от неприятностей.

– Это я могу, – вздохнула Анна, глядя в окно и снова чувствуя, как сердце леденеет от страха за мать и брата. – Я не такая уж смелая.

Коррадо, оторвав взгляд от дороги, внимательно рассматривал девушку пару секунд, затем сказал:

– И тем не менее ты согласилась поехать.

БЕЛЛИНА

Флоренция, Италия 1495 год

Беллина была не такая уж смелая, но почему-то согласилась прийти.

– Встретимся у красильного склада, – шепнула ей тем утром возле колодца для стирки подруга по имени Дольче. – Мои братья тоже придут. Буду тебя ждать.

Беллина не впервые отлучалась из хозяйского дома без разрешения. За последние месяцы на такие отлучки она отваживалась все чаще. Убегала с замызганной улочки в квартале Ольтрарно к реке, придумывая по дороге, что бы такое сказать Лизе или ее отцу, если спросят, где она пропадала.

Во-первых, можно было не сомневаться – синьор Герардини будет недоволен, если узнает, что она околачивается на берегу у старых складов, принадлежащих красильщикам. А во-вторых, он точно не обрадуется, если выяснит, что там собираются фратески¹⁹, последователи фра Джироламо Савонаролы. Уже несколько месяцев Дольче, ее родные братья и Беллина ходили к церкви Сан-Марко слушать в прираставшей с каждым разом толпе пламенные проповеди горбоносого священника в рясе с капюшоном. А местные активисты, вдохновленные речами Савонаролы, начали втайне собирать на сходки друзей и собратьев по гильдиям в собственных домах, в мастерских ремесленников да в тавернах.

Плеск текущей воды Беллина услышала задолго до того, как свернула из узкого переулка на широкую набережную вдоль Арно. Она подставила лицо солнцу, которое сейчас, на излете зимы, уже обещало весенние деньки, прищурилась – и грязные фасады выстроившихся у реки мыловарен и мастерских чесальщиков шерсти вдруг зазолотились, засверкали яркими цветами, как свежепокрашенные ткани. Мир словно пробудился, хотя уже вечерело – на Понте-Веккьо, Старом мосту, мясники закрывали лавки, сбрасывали накопившиеся за день обрезки в воду и вешали на крюки запятнанные кровью фартуки.

Чем дальше Беллина слушала брата Савонаролу, метавшего грома и молнии с церковной кафедры, тем больше ей казалось, что перед глазами рассеивается пелена, застывшая взор. Впервые она, оглядываясь вокруг, видела повсюду греховные излишества и моральное разложение церковников, обвиняемых в распутстве и сребролюбии. Впервые начинала понимать, что флорентийская знать безудержно предается чревоугодию, пристрастна к чтению, окружает себя картинами и бронзовыми скульптурами, обвешивается медальонами с собственными портретами.

И впервые Беллина незамутненным взором смотрела на несправедность жизни в доме родителей Лизы – на все эти побрякушки, передающиеся из поколения в поколение, на живописные полотна, столовое серебро... Сколько лет она мечтала обладать хотя бы частицей этой роскоши, а теперь вдруг поняла, что зависть – воистину смертный грех и что стремление семейства Герардини к земным благам обрекает их на геенну огненную.

Однако шагая к сверкающим на солнце водам реки, Беллина не могла не признаться себе честно, что на тайное собрание ее влекут не только увещания странного проповедника, но прежде всего обещание Дольче привести туда братьев, а именно Стефано. Ради него Беллина и спешила на берег Арно. Не с одной лишь надеждой, что Стефано воспылет к ней страстью, но с робким упованием, что он хотя бы *заметит* ее наконец.

Беллина давно была знакома с Дольче и ее братьями. В детстве они вместе гоняли кожаный, набитый соломой мяч, пока матушка Дольче, прислуживавшая в соседнем доме, не заявила, что ее дочь и Беллина уже слишком взрослые, чтобы играть с мальчиками. Каждые пару недель Дольче и Беллина встречались у колодца, где городские женщины стирали белье, и могли пошептаться тайком – обменяться сплетнями о том, что происходит в хозяйских семьях,

---

¹⁹ Frateschi – букв. братья, монахи (ит.).

поделиться, кому что приглянулось из платьев и побрякушек хозяек. Порой они вместе мечтали найти мужей или любовников, сильных и неотразимых мужчин, которые освободят их от необходимости до конца беспросветной жизни прислуживать господам.

А однажды Дольче рассказала подруге, что ее братья примкнули к обретавшему поддержку в народе движению, которое ставило целью освободить Флоренцию от власти семейства Медичи и от их греховного образа жизни. Теперь, сказала Дольче, ее братья стараются вовлечь в ряды последователей Савонаролы как можно больше людей. Беллине, мол, тоже не помешает прийти и послушать их.

По старой деревянной лесенке Беллина спустилась к выстроившимся на илистом берегу приземистым сараям, где держали свой товар красильных и сыромятных дел мастера. Отсюда, с этого опасного, часто затопляемого берега, торговцы тканями и одеждой отправляли грузы в Пизу, а из Пизы – дальше по морю. Труд красильщиков был тяжел, от постоянной возни с пигментами пальцы, носы, уши у них обретали темно-синий цвет. Беллина задержала дыхание – тряпки, использованные в красильном процессе и выброшенные, воняли так омерзительно, что ими брезговали даже старьевщики, – и возблагодарила небо за спасительное время года, ибо на летней жаре зловоние у берега было бы совсем нестерпимым.

– Беллина! – напряженным шепотом окликнула ее Дольче и помахала рукой из-под свисающих ветвей ивы.

Стефано стоял рядом с сестрой, согнув ногу в колене и упираясь ступней в ствол дерева; он читал что-то написанное на обрывке пергамента с таким видом, будто окружающий мир для него не существует.

Беллина подсчитала, что они со Стефано ровесники. Увы, сама она в свои двадцать девять лет достигла немногого – домашняя прислуга, серая мышь, невидимка. Ей давно открылась жестокая ирония собственного имени: «Беллина» означало «Маленькая красавица». Злая насмешка. Мужчины в ее сторону никогда и не смотрели. Беллина понимала, что в ее годы замужество так же недостижимо для нее, как кружевные воротнички и манжеты, аккуратно сложенные в ящичках шкафов у матери Лизы.

А Стефано за тот же отрезок времени превратился из непослушного соседского мальчишки в сухопарого задумчивого мастера красильных дел, за внешним спокойствием которого, казалось, всегда бушует внутреннее пламя, бурлит неизрасходованная жизненная сила. Беллина думала об этом, глядя, как он стоит, прислонившись к дереву, и внимательно изучает слова на куске пергамента, расправляя его тонкими, синими от краски пальцами. Ворот рубахи у него был завязан свободно, и Беллина видела, как на шее бьется жилка.

– Что читаешь? – спросила Беллина.

Только теперь Стефано заметил ее присутствие и вскинул взгляд. Глаза у него были цвета полупрозрачного янтаря, как в украшениях, что хранились в шкатулке у Лизы. Странные янтарные глаза. Завораживающие. Беллина почувствовала, как у нее запылали щеки.

– Список сторонников Медичи в нашем городе, – ответил Стефано. – Целые семьи в каждом квартале. – Он оттолкнулся ногой от ствола дерева и неспешно зашагал к ней.

Беллина гадала, померещилось ей или он правда внимательно ее разглядывал. Она прикусила ноготь на большом пальце.

– Попомни мои слова, – добавил Стефано, – скоро наши судьбы переменятся.

Вдруг раздался отрывистый свист. Они обернулись и увидели Бардо – старшего брата Дольче и Стефано. Тот стоял на пороге красильного склада и подзывал их рукой. В отличие от сухощавого, изящного Стефано Бардо был крепок и коренаст, а в кожаном фартуке и деревянных башмаках он и вовсе казался бочонком на подпорках.

Дольче потянула Беллину за рукав. Они вошли в сырой полумрак красильного склада, который уже полнился приглушенным гомоном собравшихся, а люди все прибывали. Стефано мгновенно исчез в столпотворении. Беллина пыталась идти вперед, но буксовала в этой раз-

ношерстной массе, всматривалась в лица – знакомые и незнакомые. Там были мужчины и женщины, молодые и старые, кузнецы и шорники, владельцы постоянных дворов и лавочники, служанки, такие как Беллина, красильщики, ткачи, чесальщики шерсти и прочие мастера с подмастерьями из богатых Шелковой и Шерстодельной гильдий города. Одни стояли, другие расселись на колченогих деревянных стульях, третьи устроились прямо на грязном полу. Спертый воздух был пропитан скверным духом красильных чанов для шерстяной ткани – некоторые были так велики, что в них поместилась бы карета. Прогорклая вонь исходила из ближайшей бочки, наполненной какой-то жижей цвета прибрежной грязи, и Беллина заткнула нос.

Неожиданно на груде ящиков, поставленных один на другой в углу склада, возник Стефано – его голову и торс теперь было видно поверх толпы из самых дальних рядов.

– Мы одни из многих! – выкрикнул он, безо всяких предисловий обратившись к слушателям. – Фратески собираются на красильных складах, но не только – они приходят в ремесленные мастерские и в частные жилища, в вертоград у стен городских!

В толпе одобрительно зашептались. Дольче поднесла ко рту два пальца и пронзительно свистнула в поддержку брата.

– Вам ведомо, что многие бедняки уже посвятили себя служению нашему делу, – продолжал Стефано. Из-под берета у него на голове выбивались пряди тонких, редких, нечесаных волос, мятая одежда из шерсти была в пятнах и заплатках, но для Беллины вознесшийся над толпой Стефано был как ослепительная звезда, воссиявшая там, где раньше клубилась тьма.

– Теперь же среди нас есть и состоятельные люди, их куда больше, чем когда-либо, – говорил он, и Беллина отметила для себя, что на складе сделалось тихо – разношерстная толпа внимала пылким речам Стефано, затаив дыхание. – Да-да, это правда. Богатые и влиятельные господа примкнули к нам. Но, друзья мои, коли мы хотим отвратить сильных града сего от пороков, в коих они погрязли, и сделать так, чтобы перестали они выжимать последние соки из бедняков, мы не должны и сами поддаваться стремлению к наживе, к обладанию мирскими благами, дабы не замутило оно наши взоры, не заслонило цели. Мы должны быть стойкими. И если на то пошло, – продолжал он, – сейчас самое время выбросить излишества, к коим вы сами прикипели, в выгребную яму.

В этот момент волна золотистого света хлынула в открытую дверь склада, обрисовав стройный силуэт Стефано над толпой. Голос его внезапно грянул, как раскат грома:

– Кто из вас возьмется за плеть нынче же ночью, дабы усмирить плоть? Кто откажется возлечь на супружеское ложе?

По толпе снова пронесся шепоток.

– Кто всей душой отринет сладострастие?

Беллина увидела, как янтарные глаза Стефано наполнились золотистым светом. Это было все равно что смотреть на восход солнца, на рождение грозного, карающего ангела.

* * *

Р-раз!

Беллина взмахнула рукой – и кожаный ремень со свистом опустился на ее голое плечо. Резкая, жгучая боль отдалась во всех конечностях. Ее челюсти были плотно сжаты, в голове звучали слова Стефано: «Кто из вас возьмется за плеть нынче же ночью, дабы усмирить плоть? Кто откажется возлечь на супружеское ложе? Кто всей душой отринет сладострастие?»

Р-раз!

Поначалу Беллина удивилась тому, что она способна причинить себе такую физическую боль. Но пока голос Стефано эхом отдавался в ее мыслях, содранная кожа казалась ерундой, самым малым, что она могла совершить. И этого действительно было мало. Недостаточно. Потому что изначально она ошибалась.

Когда Беллина уже вполне убедила себя, что верит скорее в неугасимый огонь, горящий в груди Стефано, нежели в слова брата Савонаролы, пророчества священника необъяснимым образом начали сбываться. Он не был проходимцем, каковым его считали некоторые. Нет, он был пророком.

Когда-то Беллина стояла, изнывая от духоты, в битком набитой церкви, слушала проповедь, и брат Савонарола сказал, что видел пылающий крест в небесах. «Божье упреждение!» – закричал он затем, выпучив глаза. Если, мол, флорентийцы не раскаются в порочном образе жизни, если каждый из них не примет самодисциплину и аскезу, сей город будет взят врагами – кара небесная постигнет его. Тогда невозможно было себе представить ничего подобного, но, к ужасу Беллины, Савонарола оказался прав.

Она видела это собственными глазами: рыжебородый уродец, король Франции, въехал через городские ворота на боевом коне под богато расшитым балдахинном, который держали над ним с четырех сторон рыцари в шлемах с пышными плюмажами. Иноземные лучники, арбалетчики, пехотинцы выламывали двери, грабили лавки, предавали огню целые кварталы. Отец Лизы с безумными глазами затолкал своих женщин в погреб, а все ценные вещи, что оставались в доме, запер в кладовке на ключ. Одиннадцать дней продолжались бесчинства. Флоренция замерла в ужасе и в дыму, затаила дыхание.

Когда после всего, на двенадцатый день, Беллина и Дольче встретились наконец у колодца, кроме них, там почти никого не было. От других женщин они узнали, что Медичи сбежали из города в чем были, расставив впопыхах драгоценности по карманам.

Р-раз!

Беллина опустилась на четвереньки, как собака; грудь, выпроставшуюся из корсажа платья, щекотал холодный ночной воздух. Она тяжело дышала, преодолевая почти невыносимое жжение на месте ссадин от кожаного ремня. Да, сладострастие нужно победить. Она считала дни до нового собрания на красильном складе, до того вечера, когда вновь увидит Стефано, на котором сосредоточились все ее мысли. Почувствовала, как внутри нарастает, набирает силу истерика, и пресекла ее ударом ремня.

Через несколько секунд боль унялась, спина лишь слегка нарывала, пульсировала – Беллина знала, что это будет продолжаться до нового удара. Неужто и правда на хозяевах этого дома лежит тяжкий грех из-за того, что они привержены мирским благам? Семья Лизы виновна в том, что копит невеликие сокровища, а она, Беллина, – в том, что тоже жаждет ими обладать. Она виновна потому, что верила, будто эти безделушки дадут ей чувство собственного достоинства, иллюзию значимости. Но ведь нет. Она не достойна и не значима ни для кого.

Страшнее всего было видеть, как отец Лизы горько рыдает, оплакивая потерю последних оставшихся у семьи земельных угодий, сдававшихся в аренду крестьянам. Французские солдаты разграбили и сожгли все на своем пути к городским стенам Флоренции, сказал он Беллине. Один-единственный факел уничтожил виноградники, поля пшеницы и оливковые деревья, приносившие доход многим поколениям его рода. Синьор Герардини ничего не смог сделать – лишь смотрел, как у него на глазах исчезают остатки семейного состояния.

Да, Стефано, возможно, не слишком важная фигура среди фратески, но он был прав, когда повторял упреждения Савонаролы. Флоренцию постигла кара. Они, флорентийцы, своими пороками, своей гордыней, своим пристрастием к роскоши навлекли на себя эту беду. Настало время дисциплины и аскезы, строгой самооценки. Беллина знала, что нынче ночью она не единственная усмиряет плоть – в жилищах по всему городу люди подвергают себя бичеванию веревками с завязанными узлами перед домашними алтарями.

Беллина отложила кожаный ремень и простерлась ниц возле небольшого деревянного распятия, отблескивавшего в свете свечи. Голова шла кругом от тщетных попыток примирить свое стремление к самодисциплине с неутолимыми желаниями. Разум говорил ей, что она должна отречься от земных удовольствий в обмен на вечное спасение. Сочтет ли Стефано ее

достойной женщиной, если она докажет, что смогла это сделать? Станет ли она для него желанной, заслуживающей большего, чем оставаться одинокой служанкой в доме Лизы до скончания дней? При этом Беллина понимала и то, что на берег реки ее каждый раз влечет зов плоти.

Она подползла туда, где лежал кожаный ремень, и снова взялась за него.

* * *

Когда Беллина собиралась незаметно проскользнуть в дом после очередной сходки на речном берегу, ее застала врасплох Лиза.

– Беллина, наконец-то! Где ты пропадала?

Разгоряченная общением с фратески и, если бы она осмелилась честно признаться самой себе, зачарованная присутствием Стефано, Беллина спешила по узким улочкам к сырому, покосившемуся дому Герардини. Солнце уже почти скрылось за берегом реки, залитым последним закатным сиянием. Беллина, подобрав юбки, осторожно обошла лужи возле общественной уборной. Сегодня она припозднилась – в доме ее, должно быть, уже обыскались. Надо было тихо пробраться через заднюю дверь возле хлебных печей во двор, но надежда остаться незамеченной не оправдалась.

После ужасного нашествия французов изрядно возросло число людей, приходивших к церкви Сан-Марко и на склады красильщиков. Суровый Савонарола заполнил пустоту, оставшуюся после бегства Медичи. Теперь улицы Флоренции наводнили толпы фратески. Стефано сказал, если флорентийцы не откажутся от роскоши и греховных деяний, новое нападение французов станет меньшим из грозящих им бедствий. Всем им уготована геенна огненная.

– Я за тебя волновалась. Небезопасно бродить одной по городу. – Лиза выбежала в сумеречный внутренний дворик разъединенного сыростью старого дома, который некогда принадлежал торговцу шерстью, а много лет назад стал сдаваться внаем жильцам. Она подобрала юбки, и были видны ее босые ноги, ступающие по истертым плитам. Беллина отскребала и эти плиты, и полы в доме собственноручно, ползая на коленках, но вековая грязь, проникшая в выбоины и неровности, не поддавалась. Хозяйке Беллины шел шестнадцатый год – возраст расцветающей женственности. У нее были темные лучистые глаза, смуглая безупречная кожа и блестящие черные волосы, волнами спускавшиеся на грудь.

– Я... – начала Беллина, и голос ее дрогнул. «Как глупо, что я не придумала оправдания», – мелькнула мысль.

Но Лиза не дала ей закончить.

– У меня есть новость! – воскликнула она и, вприпрыжку подбежав к Беллине, схватила ее за руки. Глаза девушки блестели, лицо сияло, словно ее переполняла безудержная радость. – Я замуж выхожу!

– Замуж?! – повторила Беллина. – Уже?

– Представляешь?! Сваты только что ушли. Ты все пропустила! Где ты была?

Показался отец Лизы, Антонмария Герардини, – долговязый, худой, гладко выбритый человек преклонных лет. Он подошел к девушкам с улыбкой и обнял Лизу за плечи:

– Я и не чаял столь счастливой судьбы для дочери.

– Теперь ты должна мне рассказать все-все подробности, *polpetta*²⁰, – тоже просияла Беллина, словно радость Лизы передалась и ей. Она сжала в ответ руки девушки. – Кто он?

– Франческо дель Джокондо! – воскликнула Лиза.

– Джокондо... – повторила Беллина. Фамилия показалась ей знакомой.

– Из Шелковой гильдии, – зашебетала Лиза. – У его семьи чудесный особняк рядом с базиликой Сан-Лоренцо. Еще у них есть земли у холма Монтуги, лошади, целые оливковые

---

²⁰ Букв.: тефтелька (*ит.*). Ласковое обращение к детям в итальянском языке.

рощи, и виноградники, и... – Щеки Лизы зарделись, она бросила робкий взгляд на отца. – И Франческо недурен собой.

– Он из тех самых Джокондо, что занимаются торговлей шелками и шерстью, – пояснил синьор Герардини, отводя прядку волос с лица дочери.

Поставщики Медичи, вспомнила Беллина, и, без сомнения, их сторонники. Она почувствовала, как заныли ссадины от ремня на спине.

– У Франческо есть крошечный сын, – добавила Лиза. – Бартоломео. Мать малютки прибрал Господь.

Как будто только вчера Беллина впервые взглянула в темные глаза новорожденной Лизы под наполненными эхо сумрачными сводами баптистерия. А теперь Лиза замуж выходит... Беллина заставила себя улыбнуться:

– Тогда я желаю тебе счастливой жизни в новом доме, *rolpetta*.

Лиза даже отступила на шаг, округлив глаза от удивления:

– Но... что за глупости ты говоришь? Ты же переедешь со мной!

– Беллина, ты ведь понимаешь, что я не могу никуда отпустить свою Лизу без тебя, – подал голос синьор Герардини.

Беллина на секунду задохнулась, будто ей дали пощечину. Значит, ее хотят отправить с Лизой на другой берег реки, к Сан-Лоренцо? Осознание пришло, как порыв зимнего ветра, загасивший огонь в очаге. В один миг Беллина поняла, чего от нее ждет хозяйское семейство. Она должна посвятить себя Лизе, отвечать за нее, как за саму себя, поселиться в доме у чужаков, которым дорого все то, что ей, Беллине, теперь ненавистно. Будущее уже поймало ее в ловушку, наступив раньше, чем она думала: отныне для нее не будет никакой жизни за пределами нового дома Лизы. На секунду Беллина испугалась, что ее вырвет сейчас хлебом, съеденным в обед, прямо на истертые плиты двора.

– Ты ведь помнишь, как я положил мою девочку тебе на руки, когда ей было всего несколько дней от роду? Кто сослужит ей лучшую службу, чем ты, когда она примет на себя обязанности жены и матери? – Антонмария Герардини вздохнул с гордостью. – Она войдет в один из самых влиятельных домов города, ни больше, ни меньше.

Беллина опустила голову:

– Да, синьор.

Мысли о последствиях решения Герардини нахлынули страшной волной, будто река вышла из берегов. Разумеется, эти люди не сомневались, что она последует за своей юной госпожой. Им и в голову не приходило, что она может мечтать о супружестве и собственном доме – в ее-то двадцать девять лет. Никто не подозревал, что у нее могут быть какие-то интересы за пределами хозяйского дома. Они ничего не знали о ее отлучках на берег Арно и никогда бы ее не поняли.

На мгновение Беллина снова услышала в памяти голос Стефано, увидела мысленным взором его сверкающие янтарные глаза, в которых отразилось солнце. Ее охватил трепет. От этих нечестивых помыслов надо было избавиться. Наказать себя.

Нет. Ее участь – проводить дни подле Лизы, одевать ее, стирать ее вещи, нянчить ее детей и стареть за вышиванием у окна в ее доме. Отец Лизы всегда был с ней, с Беллиной, добр. И щедр. И великодушен. Но в тот момент она его возненавидела.

Как синьору Герардини удалось устроить такой выгодный брак? Неужто он втайне копил приданое для дочери все эти годы, со дня ее рождения? Глядя на сырой, обветшавший дворик, Беллина с трудом могла в это поверить.

Отец Лизы словно прочел ее мысли:

– Мне посчастливилось встретить Франческо дель Джокондо и его братьев на одном третейском суде, касавшемся нашего фамильного дела. Они тоже пришли искать правды – вроде бы другой их брат, занятый торговлей шелком в Португалии, задолжал им денег. Разговорились

мы, в общем, и я не упустил возможность упомянуть, что у меня дочь-красавица на выданье. В итоге мы сошлись на том, что в качестве скромного приданого Франческо дель Джокондо устроит поместье у Сан-Сильвестро в Кьянти – одно из наших последних уцелевших владений, и лучшее, на мой взгляд. Да и в конце концов, имя Герардини, главное наше достояние, чего-то да стоит.

– А добродетели Лизы и вовсе бесценны, синьор, – добавила Беллина.

– Это само собой, – заулыбался довольный отец и ласково потрепал дочь по щеке. – Ты будешь заботиться о Лизе как прежде, – продолжил он. – Бог даст, скоро у нее появятся свои детишки, за которыми тоже надо будет присматривать. Ты всегда служила нам верой и правдой, Беллина. Франческо дель Джокондо и его домочадцы примут тебя к себе, это прописано в условиях брачного договора. – Он снова улыбнулся было, но улыбка мгновенно исчезла – видимо, синьор Герардини понял, что проговорился: он решил судьбу Беллины, включив ее имя в договор до того, как спросил, согласна ли она последовать за его дочерью. – Ты так же, как и Лиза, будешь представлять там род Герардини. Смотри, не посрами нас.

– Конечно, она не посрамит, батюшка! – Лиза взяла Беллину за руку. – Ты же знаешь, Беллина – самый верный друг в мире, и она позаботится обо мне лучше всех. Все будет идеально! Правда, Беллина?

Беллина заставила себя улыбнуться.

– Идеально, – кивнула она. – Perfetto²¹.

Леонардо

Милан, Италия

1497 год

Моя фреска идеальна, говорят монахи. Perfetto.

Но я знаю, что это не так.

Как изобразить олицетворение предательства? Этот вопрос мучает меня дольше, чем я готов признать.

Северная стена монастырской трапезной наконец-то кое-где обрела краски. Месяцами она белела штукатуркой; один за другим на ней появлялись, стирались и снова возникали наброски углем. Но теперь композиция намечена, симметрично выстроена: Христос сидит за столом в окружении учеников на тайной вечере, ставшей для них последней. Я проработал все лица. Все, за исключением одного.

– Настоятель уже теряет терпение!

Это мне сообщает Лодовико Сфорца, герцог Миланский. Мой покровитель. И друг.

Коренастый темноволосый герцог меряет шагами трапезную, заложив руки за спину. У дверей празднично переминаются с ноги на ногу его гвардейцы, поглаживая гравированные рукоятки мечей. Выглядят они презабавно в своих доспехах. Должно быть, для них скука смертная вот так целыми днями топтаться на пороге, глядя, как я расхаживаю туда-сюда, подправляя эскиз на стене куском угля. Сейчас они смотрят, как я слезаю с шаткой лестницы и отступаю от стены, чтобы обозреть всю незаконченную фреску.

– Да, ваша светлость. – Я скребу в бороде. Мне отлично известно, что терпение теряет вовсе не придурковатый настоятель, а сам Лодовико. Это он недоволен тем, что я работаю так медленно.

Обвожу взглядом фигуры, обретающие форму на стене. Иуда Искариот. Предатель. Он единственный, чей образ я никак не могу придумать.

---

²¹ Идеально (*ит.*).

Длинный стол, такой же, как те, что стоят здесь, в трапезной, протянулся на переднем плане росписи; апостолы восседают по бокам от Христа группами по трое, вписанные в невидимые треугольники, – приятная глазу композиция, старый трюк. Отныне доминиканская братия монастыря Санта-Мария-делле-Грацие будет уплетать жижу, называемую тут рагу, созерцая новенькую «Тайную вечерю» на стене. И грядущим поколениям она тоже послужит объектом для духовных медитаций.

Но работа что-то не ладится. Я делаю глубокий вдох, впуская в себя знакомый запах сырой штукатурки и пигментов; впрочем, этот запах и так уже сделался частью меня, мне кажется даже, что он сочится из моих пор вместе с потом.

При обычных обстоятельствах Лодовико всегда приглашает меня отобедать с ним и монастырской братией, когда приходит посмотреть, как я рисую. Говорит, это его успокаивает – отраднo наблюдать, как я накладываю один слой краски за другим на стену. Неспешная, кропотливая работа. Я ему сочувствую всей душой – герцог только что потерял жену, свою Беатриче двадцати одного года от роду, и вместе с ней новорожденное дитя. Обоих безвременно прибрал Господь. Окна в Каstellо-Сфорцеско, замке Сфорца, еще убраны черными шелками. Кто я, чтобы отказывать другу в возможности немного отвлечься, глядя, как высыхает на стене краска?

Но Лодовико не нужно думать о том, как выписать лицо Иуды. Это моя забота, а у герцога и своих хватает.

Французы идут. По крайней мере, об этом шепчутся монахи.

Я, право слово, удивлен, что французское войско еще не подступило к воротам Милана, не красуются там всадники на черных мускулистых боевых конях, не полощутся на ветру королевские стяги, синие с золотом, не полыхают на солнце металлические шлемы. Но говорят, французы уже разорили мой родной город, Флоренцию.

– Лео!..

Лодовико, герцог Миланский, подступает ко мне. Имя мое, произнесенное сердитым голосом, разлетается эхом под сводами пустой трапезной. Знакомо бренчат герцогские регалии на груди, затянутой в голубые шелка.

На миг я крепче сжимаю перекладыны старой лестницы испачканными краской руками.

– Ваша светлость? – говорю я, оборачиваясь к нему, и встаю лицом к лицу. Некогда, стоя вот так же перед Лодовико Сфорцей, по прозвищу Мавр, я пребывал во власти благоговейного трепета, хотя он на целую пядь ниже меня. Но теперь я испытываю лишь сострадание. Нет, жалость. Он взирает на меня пристально, выпятив грудь, – этакий победоносный боевой петушок, даже сейчас. Однако с такого близкого расстояния я вижу, что его борода, всегда пышная, умощенная маслами, всклокочена, торчит нечесаными прядями; глаза запали, краснеют прожилками, под ними залегли тени. Прискорбные события минувшего года оставили свой след.

Все то время, что я прожил в Милане – а с тех пор, как мне удалось сбежать из Флоренции, прошло почти пятнадцать лет, Лодовико был моим благодетелем, воистину. Но помимо того, он стал мне другом и конфидентом, вернее сказать, я стал таковым для него. И вероятно, я сделался неким символом его величия. Однако сейчас он на меня гневается.

– Братия и настоятель долго проявляли снисходительность к тебе, – говорит герцог. – Что тебе нужно, чтобы закончить работу?

Пауза затягивается – я размышляю, не сказать ли ему правду. Правду о том, что мои новые, впервые опробованные краски отказываются взаимодействовать со штукатуркой как следует. Что фреска трескается и идет пузырями. Что я умираю от желания соскрести ее со стены голыми руками и бежать из Милана до того, как к его вратам подступят французы. Что все потеряет смысл, если рыжий французский король возьмет Лодовико Сфорцу в плен.

– Дело в Иуде, мой господин, – говорю я вместо этого. – Вы видели мои наброски. Я все никак не могу выписать его лицо.

Знаю, герцог прав – работу необходимо закончить. Но я должен сделать это не для того, чтобы ублажить настоятеля, братию и даже его светлость. Пора закончить фреску, потому что в Милане более небезопасно, мне нужно уехать. От отца как раз подоспело письмо – он сообщает, что я могу вернуться во Флоренцию, там, дескать, открываются новые возможности.

Но я колеблюсь. За все мои сорок пять лет мы с отцом редко смотрели друг другу в глаза. А во Флоренции, вдобавок ко всему, может оказаться еще опаснее, чем в Милане. Французы не потеряли вкуса к ее богатствам, хоть и заглядываются на миланские. Кроме того, в моем родном городе каким-то образом приобрел влияние один фанатичный поп – Джироламо Савонарола. Человек неистовый. Возможно, безумный. Меня, впрочем, не удивляет, что ему удалось задурить головы флорентийцам настолько, что они в него поверили и поддержали. Моим прежним покровителям, Медичи, повезло спастись – сбежали в Рим, побросав свои сокровища. Савонарола мечет громы и молнии с кафедры собора Сан-Марко. Простолюдины швыряют мусор в знатных господ, которые разгуливают по улицам в богатых одеждах. За закрытыми дверями женщины предаются самобичеванию, полосуя себе спины веревками с завязанными узлами. Как долго это продлится?

Однако же на сей момент я не вижу для себя других вариантов, кроме Флоренции.

Тем не менее я медлю покинуть Милан. Чувствую себя виноватым. Лодовико дал мне возможность заниматься всеми видами творчества. Я написал портреты двух возлюбленных герцога и начал писать портрет его молодой жены незадолго до того, как она умерла родами. Я отвечал за убранство залов в его резиденции и организовывал брачные церемонии, расписал стены в башнях Каstellо-Сфорцеско, воплотил бесчисленное множество проектов в гидравлике и в науках. В память об отце Лодовико я создал гигантскую статую коня из металла и глины.

Но часы тикают все громче – мое время здесь подходит к концу. Отныне в этом нет сомнений.

И Лодовико явно чувствует мою готовность покинуть Милан, ибо он щедрыми дарами пытается соблазнить меня остаться. А соблазн велик: герцог пожаловал мне виноградники в окрестностях этого самого монастыря. Сменится время года, и лозы отяжелеют от ягод, предвещающих доброе вино...

Но как бы мне ни хотелось остаться под патронажем его наищедрейшей светлости, я вижу ясно как никто, что дни герцога Миланского сочтены. Вернуться во Флоренцию – решение не хуже и не лучше прочих. Там я, по крайней мере, смогу обдумать следующий шаг, наметить нового покровителя. Дабы свершился переворот в чем бы то ни было, где-то нужно подтолкнуть, а где-то и рвануть. Так говорит Салаи, мой ученик. Порой этот мальчишка высказывается не по годам мудро.

– Выбери кого-нибудь из монахов, пусть попозировать тебе в роли Иуды, и покончи уже с этим, – ухмыляется Лодовико.

– Тогда уж лучше настоятеля, – отзываюсь я. – Если только он сумеет сидеть смиренно и не разевать рот достаточно долго, чтобы я успел сделать эскиз.

Лодовико, не сдержавшись, издает смешок.

– Вот и славно! – восклицает он. – Увековечь старого дуралея на фреске. Он раздуется от гордости, и его милосердное молчание станет нам благодарностью. Сделай это хотя бы ради меня.

Я киваю. Герцог – мой друг и покровитель. Если ему заблагорассудилось превратить мелкого беса в любимого ученика Христа, кто я такой, чтобы ему отказывать?

– Пусть настоятель будет Иудой, – говорю я и, прихватив кусок красного мела, опять взбираюсь по лестнице.

Герцог, все еще посмеиваясь, направляется к выходу. Гвардейцы на пороге оживляются. У дверей Лодовико оборачивается и снова смотрит на меня. Внезапно его лицо омрачается, улыбка исчезает.

– Заканчивай. – Голос герцога эхом раскатывается в пустом пространстве. Он тоже понимает, что мое время в Милане на исходе.

Я отворачиваюсь. Металлическое позвякивание регалий мало-помалу стихает – мой покровитель удаляется.

Шаткая лестница скребет штукатурку, пока я спускаюсь обратно. Отхожу на пару шагов и озираю ужасающий пурпурный, вульгарный оранжевый, разнузданные, кричащие цвета моей фрески.

Катастрофа.

Но пора смириться. Возьму с собой Салаи и прочие драгоценности, обретенные мною в Милане. Да, именно так. Покончу с И удой и хорошенько обдумаю следующий шаг. Я таки вполне могу вернуться во Флоренцию спустя столько лет.

БЕЛЛИНА

Флоренция, Италия 1497 год

Стефано хочет ее увидеть. Дольче шепнула об этом Беллине у колодца. Но Беллина боялась даже думать о том, что он скажет. И о том, как ей самой с ним объясниться.

В последний раз Беллина видела Стефано в городе почти два года назад – она тогда сразу пригнулась за колесом свадебной повозки Лизы, чтобы он ее не заметил.

Свадебная процессия выглядела постыдно роскошной – по крайней мере, с точки зрения Беллины. Она знала, что новоявленный муж Лизы, Франческо дель Джокондо, сделал немалое состояние на торговле шелками и шерстью, но не ожидала такого помпезного зрелища. По пути она все норовила спрятаться за кузеном своей госпожи, долговязым Герардо, которого Франческо уже согласился взять в подмастерья, чтобы набирался опыта в одной из его шелководельных мастерских, – это было включено в условия брачного договора.

Пока свадебная повозка катилась по богатым кварталам, флорентийцы радостно свистели и выкрикивали благие пожелания из окон каменных домов. На бедных улицах и площадях народ швырялся в них гнильем и мусором, а какая-то старуха верещала вслед, что пышные свадьбы во Флоренции теперь вне закона. Правда ли это, Беллина не знала. На другом берегу реки, где жила семья Франческо, они проехали мимо базилики Сан-Лоренцо, в изящных капеллах которой нашли вечный покой усопшие правители из рода Медичи.

Совсем неподалеку повозка остановилась у светло-желтого арочного фасада дома Франческо на виа делла Стуфа, и Беллина мысленно взмолилась, чтобы Стефано не увидел, как она последует за участниками этого греховного парада мирских излишеств.

Но оказалось, Стефано знает, где ее искать.

Со дня бракосочетания Лизы Беллина перестала появляться на сходках у берега, где стояли красильные склады. Она, впрочем, и вовсе редко осмеливалась покидать дом. Стыдно было даже представить себе, что думают о ней фратески теперь, когда она прислуживает одной из самых бессовестно богатых семей Флоренции. Казалось невыносимым явиться на красильный склад из особняка, набитого пышными нарядами из тончайшего шелка, расписной керамической посудой, расшитыми золотом пологам и покрывалами, резными сундуками орехового дерева... Беллина стыдилась и боялась того, что прежние друзья могут о ней подумать, поэтому старалась держаться от них подальше.

Очень скоро свадебные дары сменились дарами на крещение – Лиза родила сына Пьеро, а вслед за ним и дочь Пьеру, погодков. Младенцев одного за другим отнесли в баптистерий, затем отдали кормилицам, а Франческо дважды одарил Лизу украшениями с драгоценными камнями, повязав их ей на шею шелковыми лентами. Маленьких сокровищ прибавлялось в доме всякий раз, когда Беллина открывала парадную дверь гостям: латунные и серебряные блюда, кубки из дутого стекла, обтянутые кожей шкатулки с позументами, кистями, шитой золотом тесьмой, позолоченные ножницы с резными точилами, пустые страусиные яйца, нити

черного янтаря с Балтийского моря... И всякий раз, когда Лиза разворачивала очередной подарок, Беллина одновременно восхищалась и ужасалась.

Днями напролет Беллина была занята хлопотами по уходу за младенцами и старалась не обращать внимания на выставку греховной роскоши вокруг. Она слушала жизнерадостную болтовню и дружеские советы Алессандро, повара, который предупредил, что детишек надо сразу успокаивать, коли разорутся, и по возможности не попадаться на глаза матери Франческо. Беллина нянчилась и с четырехлетним сыном Франческо от первого брака, Бартоломео, чья юная матушка умерла родами. «Бедняжечка, – думала Беллина про мальчика, – все внимание теперь достается двум другим голодным ротикам». Сама она была очарована огромными карими глазами и ангельской улыбкой Бартоломео и не забывала таскать для него на кухне сладости, когда никто не видел, играла с ним в ладушки и пела те же песенки, что слышали от нее маленькая Лиза и ее братья и сестры в ветхом доме за рекой.

По вечерам в своей скромной спальне для прислуги на третьем этаже особняка Джоркондо Беллина умывалась водой из таза, вешала простенькое платье в деревянный шкаф и простиралась ниц на холодных плитках пола. В тишине перед мысленным взором мелькали круговертью новые бархатные накидки Лизы, инкрустированные солонки, отчаянные покаянные молитвы, пламенные проповеди Савонаролы, взлетающая плеть в порывах самобичевания. Она старалась совладать с темными желаниями, змеиными кольцами искушений, сладострастными помыслами. Когда это не получалось, Беллина пыталась сосредоточиться на молитвах за Лизу и ее прираставшую семью. Определенно, отец Лизы был прав: мечтать о чем-либо, кроме того, как прислуживать своей госпоже до скончания дней, – нелепо.

А потом вдруг Дольче однажды утром у колодца для стирки шепнула, что Стефано хочет ее видеть. И вопреки своим страхам по поводу того, что он о ней думает, Беллина ощутила жгучее, неодолимое желание встретиться с ним, словно ее накрыла волна и потащила за собой в бурное море. И вот теперь она шагала по кварталу Сан-Лоренцо вокруг собора. Проходя мимо церкви Орсанмикеле, она чувствовала на себе неодобрительные взгляды статуй святых, устремленные на нее из ниш на старом фасаде, и, втягивая голову в плечи, пыталась скрыться от их безмолвного каменного осуждения за подводой, груженной дублеными шкурами, катившей по мостовой. На виа Пор-Санта-Мария, где находились шелкодельные мастерские Франческо, до Беллины долетал несмолкаемый перестук сотен деревянных челноков на ткацких станках – там трудились не покладая рук множество мужчин и женщин.

Помимо прочего, Беллине пришлось долго привыкать к новому хозяину, Франческо. Если отец Лизы был всегда добр и ласков с прислугой, то ее муж держался надменно и расхаживал по дому с важным видом. Когда по вечерам он возвращался из своих мастерских, атмосфера в доме тотчас менялась. Лиза мгновенно замыкалась в себе, ее свекровь, словно почувствовав свою власть, выступала на первый план, и слуги, включая Беллину, разбегались по углам.

Мать Франческо, проводившая дни чаще всего в розарии или за вышивкой, носилась с сыном как с писаной торбой, обхаживала его, как призового жеребца. Когда появлялась Лиза, несколько часов до этого наряжавшаяся перед зеркалом, чтобы встретить мужа, Беллина видела, как его глаза лучатся восхищением. Но потом он ужинал и удалялся в свой кабинет на первом этаже совещаться с приказчиками и деловыми партнерами. Там при свете дюжины свечей он неумоимо перелистывал толстые приходно-расходные книги, в которые заносилось все, что касалось обработки коконов шелкопряда, покраски тканей, складирования готовых рулонов, изготовления расшитой золотом и серебром тесьмы, денежных расчетов с купцами от Антверпена до Лиона. Франческо до поздней ночи стучал костяшками на счетах и, лишь закончив дела, отправлялся в спальню к молодой жене.

Беллина знала, что этот человек – верный сторонник Медичи, но пока не понимала, насколько он влиятелен. Богатство Франческо, его баснословные доходы от торговли шелком,

весь его образ жизни – это было именно то, против чего восставала она сама, Стефано и фратески. Беллина не желала, чтобы приверженность новой семьи земным благам и излишествам обрекла Лизу на геенну огненную, но как она могла сказать об этом своей ясноглазой госпоже, которая вела теперь образ жизни, о котором могла лишь мечтать, и с надеждой смотрела в будущее?

* * *

На берегу реки Беллина схоронилась за стволом раскидистой ивы и наблюдала, как из сарая, служившего складом, выходят после собрания люди. Кого-то она узнавала в лицо, но, с тех пор как в последний раз сама была на такой сходке, количество участников многократно возросло – такой толпы здесь раньше никогда не бывало.

Когда все наконец разошлись, Беллина выскользнула из укрытия и направилась к дверям склада. Внутри царил полумрак; в тусклом свете вырисовывался знакомый силуэт Стефано – он стоял, сгорбившись, над горкой углей, оставшихся от небольшого костра. Некоторые угли еще теплились в застоявшемся сыром воздухе.

– Стефано, – окликнула Беллина. – Дольче сказала мне, что ты...

Тут он обернулся, взглянул на нее пронзительным взглядом, и она осеклась.

– Ты живешь у Джокондо, – резко бросил Стефано из дальнего угла.

Беллина, сглотнув, уставилась на грязный подол собственной юбки.

– Я могу объяснить, – начала она, и Стефано неспешно двинулся к ней. – Когда Лиза вышла замуж за Франческо, ее отец велел мне последовать за ней, чтобы и дальше заботиться и...

Беллине отчаянно хотелось, чтобы он отвел взгляд, тем самым дав ей перевести дыхание, обрести смелость. Но в следующий миг Стефано оказался прямо перед ней, взял ее за руку, и она задохнулась. Прикосновение теплой, загрубелой руки невозможно было вынести. От него пахло невымытыми волосами, прибрежным речным илом, золой от костра.

– Я понимаю, – проговорил он.

Его глаза, необычные, завораживающие, похожие на два отполированных кусочка янтаря, как те, что лежали в шкатулках с драгоценностями у Лизы в спальне, были устремлены на нее, на Беллину, изучали ее лицо. Она почувствовала жар, прокатившийся по венам, увидела, как дрогнули его ноздри.

– Это Божий промысел, я уверен.

– Божий промысел? – воспряла Беллина.

– Это Он привел тебя в дом богатого купца, который к тому же известен как сторонник Медичи.

Мысли Беллины метнулись к Лизе и ее малым деткам, к Бартоломео с ангельским личиком. Она не желала вреда никому из них.

– Медичи сделали Франческо богачом, – продолжал Стефано, заглянув ей в глаза – столь глубоко и пронизательно, что Беллина с трудом сглотнула, будто в горле у нее застрял ледяной камушек.

– Они ничего дурного против нас не умышляют, – вымолвила она, утешая себя тем, что это может оказаться ложью лишь отчасти – Лиза политикой не интересовалась совершенно, хотя помыслы Франческо могли быть иными. Беллина заставила себя снова взглянуть в лицо Стефано. – Честное слово... Я никому ничего не рассказывала о том, что слышала здесь, даже Лизе. Все держу в строжайшей тайне...

Стефано качнул головой:

– Ты не поняла. Я не пытаюсь выведывать твое отношение к ним. Но ты можешь нам помочь больше, чем кто-либо.

– Я?

– Твое нынешнее положение выгодно для общего дела. Мы рассылаем отряды наших юных последователей по домам богачей с требованием выдать предметы роскоши для сожжения на большом костре, который возгорится на Пьяцца-делла-Синьория²². По всему городу в жилищах знати слуги объединяются и тоже помогают нам. Я уверен, что у Франческо дель Джокондо найдутся лишние побрякушки, которые можно будет бросить в огонь. – Вдруг Стефано так близко подступил к ней, что она ощутила его всем телом – от плавящегося янтаря глаз до крепкого запаха пота. На миг Беллине показалось, что он сейчас ее поцелует, и она вздрогнула от того, что ее накрыла жаркая волна паники, смешанной с желанием.

– Я не знаю, что сказать, – пробормотала Беллина дрогнувшим голосом.

А потом почувствовала, как ее ухо кольнула щетина у него на подбородке. Он прошептал:

– Скажи «да».

* * *

– Франческо, ты должен заказать портрет своей жены какому-нибудь художнику!

Беллина взглянула на сказавшую эти слова Якопу, сноху Франческо. Якопа облокотилась на обеденный стол; в ее волосах и на головном уборе поблескивали золотые и изумрудные бусины.

– Это меньшее, что ты можешь для нее сделать, – продолжала она. – Лиза уже подарила тебе двух детишек. Да и в любом случае всякий достойный муж почитает за честь иметь в доме портрет своей жены. Бери пример со Строщи и Руччелай! Я ведь права, саго?²³ – Она подержала за шелковый рукав своего супруга.

Беллина поставила корзинку с несоленым хлебом на стол и отошла в сторонку. Каждое воскресенье на дневную трапезу в этом доме собирались все братья Франческо с семьями. Беллина уже привыкла к новой обязанности – вместе с другими слугами присутствовать в обеденном зале и прислуживать многочисленному семейству Джокондо, оставаясь невидимой. Прислонившись к стене в темном углу, она наблюдала, как Лиза аккуратно накручивает длинную макаронину на серебряную вилку с двумя зубцами. Франческо, сидевший напротив жены, отрывал пальцами кусочки мякиша и макал их в утиный жир у себя на тарелке. Мать сидела справа от него; остальные места за столом были заняты двумя братьями и их женами. Из-за качающихся створок кухонной двери доносилось тихое пение кормилицы, нянчившей детей Лизы и Франческо.

Муж Якопы пропустил мимо ушей ее рассуждения о живописи.

– Я все ж таки заключил сделку с теми фламандскими торговцами шерстью, – сказал он. – Поднял цену на десять процентов, но они все равно согласились.

– Мы могли бы выручить еще больше после сезона стрижки овец, когда у всех закончатся запасы, – заметил средний из братьев. – В прошлом году это отлично сработало с французами, они не поскупились.

Младший пожал плечами:

– У фламандцев и так запасы шерсти уже заканчиваются – численность отар сократилась, потому что овцы мрут от какой-то болезни. Так что я попросту воспользовался их затруднительным положением. Им ничего не оставалось, как пойти на мои условия.

Мать семейства громко фыркнула:

---

²² Пьяцца-делла-Синьория – площадь во Флоренции перед зданием Синьории, т. е. правительства Флорентийской республики, которое размещалось в Палаццо-Веккьо.

²³ Дорогой (*um.*).

– Тогда тебе нужно было поднять цену больше, чем на десять процентов. – Она уставилась на младшего сына таким сердитым взглядом, что Беллина на мгновение прониклась к нему сочувствием. – Или ты их просто пожалел?

Франческо потрепал мать по руке, пытаясь успокоить, но старуха оттолкнула его ладонь, будто он ее обжег. Франческо, однако, не отступился:

– Брат поступил правильно. Учитывая объемы поставок, которые требуются фламандцам, он обеспечил нам немалую выгоду. Кроме того, – Франческо многозначительно покосился на младшего Джокондо, – поскольку мы не стали злоупотреблять их доверием, они закажут еще и, вполне вероятно, сделают это до того, как цены на шерсть повсюду снизятся. Таким образом мы получим еще больше выгоды.

Старуха промокнула губы льняной салфеткой, хотя паста и жирная тушеная утка у нее на тарелке оставались нетронутыми.

– Что ж, да будет так. А пока у нас есть другие неприятности. Пропало кое-что из крестильных даров.

Вилка с намотанной на нее пастой замерла в руке Франческо между тарелкой и его ртом. – Пропало?

Беллина похолодела и невольно потянулась туда, где она пришила тайный кармашек к подолу своей *samisia*²⁴. В кармашке лежали кружевные манжеты и две сережки с жемчужинами, круглыми и гладкими, как речная галька. Она носила их с собой несколько недель, с тех пор как повидалась со Стефано. Если все пройдет как задумано, эти вещицы сгорят в костре, но сейчас Беллине казалось, что они еще раньше прожгут дыру в ее совести.

Вдруг она поймала на себе взгляд Лизы, и у нее замерло сердце. Неужели госпожа ее подозревает? Нет... Беллина была уверена, что хорошо умеет читать сердце Лизы, и не сомневалась, что та ничего не знает ни о ее связи с фратески, ни о душевных переживаниях, ни о том, что у нее на уме. Сейчас Беллина заметила, что большинство кубков на столе опустели. Она взяла кувшин с вином – жидкостью цвета драгоценного рубина, которая пахла землей и перезревшими фруктами, – затем наполнила один за другим все кубки, стараясь унять дрожь в руках и не встречаться взглядами ни с кем из трапезничавших господ.

Мать Франческо снова заговорила, понизив голос:

– Воровкой может быть только одна из этих новых кормилиц, которых по вашему настоянию взяли в дом. Я с самого начала вам говорила: нельзя брать с улицы кого попало, неблагоприятно это. Мы не можем им доверять. С вашей стороны это было весьма недальновидно, весьма. Но кто меня спрашивал!

– Мы не можем обойтись без кормилиц, – сказал средний брат Франческо, положив себе еще один кусок мяса из целой горы на блюде в центре стола.

Снова вмешалась Якопа:

– А вот я, когда остаюсь ночью одна, запираю дверь в спальне на засов. Мало ли – вдруг кто-нибудь из слуг возьмет на кухне нож и перережет всех нас во сне.

Мать Франческо охнула и схватилась за сердце. Беллина со стуком поставила на стол кувшин с вином и пошла на кухню за десертом, пока молодые посудомойки собирали грязную посуду, суетясь вокруг господ, как пчелы вокруг цветов.

– Матушка, не волнуйтесь, – произнес Франческо, облизывая жир с пальцев, – малышку Пьеру скоро можно будет отнять от груди, и мы отошлем кормилиц обратно в деревню. Найдем проверенных служанок, чтобы занимались другими делами по хозяйству.

Якопа хлопнула Лизу по руке с благостной улыбкой.

– Какой ты добрый, Франческо! – польстила она деверю, пока Беллина расставляла тарелки с десертом. – Вот видишь, – шепнула Якопа Лизе так, чтобы все за столом услышали, –

---

²⁴ Сорочка (*um.*).

у тебя чудесный муж. Мы его непременно заставим заказать твой портрет. А вы слышали, – обратилась она ко всем за столом, – про этих противных мальчишек, которые служат на побегушках у... как их там?

– Фратески, – подсказал Джулиано, ее муж, между двумя глотками вина.

– Да-да, верно. Говорят, они теперь ходят по приличным домам и требуют дань – картины, драгоценности, наряды, серебро. Забирают все ценное!

– Никакая это не дань, – возразил Джулиано, наставительно вскинув палец, и Беллина подумала, что это для него привычный жест. – Тот монах, или священник, или кто он там...

– Джироламо Савонарола, – подсказал Франческо.

– Да, Савонарола. Он намерен устроить зрелище для черни – сжечь предметы роскоши в день карнавала. Вроде как хочет нас запугать, но на самом деле ему это нужно исключительно для самоутверждения.

– Однако он, судя по всему, снискал доверие тех, кто чувствует себя обездоленными, – подала голос Лиза.

Якопа возмущенно нахмурилась:

– Так или иначе, от меня они не дождутся ничего – ни единого платья, ни одного колечка не отдам никому. А сюда они уже приходили? – Она перегнулась через мужа, чтобы задать вопрос Лизе.

Та покачала головой:

– Пока еще нет.

Беллина откашлялась.

– Синьор Франческо... – Она поклонилась, чувствуя, как пылают щеки. Ей надлежало быть невидимкой, но теперь все взгляды были обращены на нее. – Дело в том, что дверь открываю обычно я, когда кто-то стучится... Поэтому... если придут юнцы от фратески, что прикажете мне делать?

Франческо положил себе на тарелку несколько ложек рикотты с корицей и повернулся к Беллине с таким видом, будто успел забыть о ее присутствии.

– Ну, дай им парочку... – он помахал рукой в воздухе, – дешевых безделушек и отправь восвояси.

– Слушаюсь, синьор. – Беллина уставилась в пол и, пятясь, отступила от стола, снова растворившись в тени.

* * *

– Беллина... – тихо начала Лиза, когда они оказались вдвоем за закрытой дверью хозяйской спальни.

– Что, polpetta? – отозвалась Беллина, расплетая длинную, толстую косу своей госпожи. Она уже позаботилась о том, чтобы положить грелки в постель Франческо и Лизы.

– Ходят слухи о мятеже, и я ужасно беспокоюсь из-за этих мальчишек, помощников фратески, которые разгуливают по городу. Вдруг и к нам заявятся? Как ты думаешь, они нам ничего дурного не сделают? А что, если они сговорятся с нашей прислугой? Я не хочу потерять чудесные подарки, которые получила в этом доме. Не хочу расстаться с ними только потому, что какой-нибудь противный мальчишка постучится к нам в дверь.

В широко раскрытых глазах Лизы читалась растерянность, и на мгновение Беллина увидела в ней пятилетнюю девочку, чьи страхи она когда-то прогоняла колыбельными, укладывая свою подопечную в кроватку.

На столике рядом с зеркалом Беллина разложила щипчики для бровей, поставила пиалку с любимым средством Лизы для ухода за кожей – мазью из улиточной слизи и ослиного молока,

несколько дней выдержанной на солнце, чудодейственное средство для увлажнения и снятия воспалений.

– Не волнуйся, *сара*²⁵, – сказала она, но голос ее дрогнул.

– Я кое-что придумала, – не обратила внимания Лиза. – Ты должна мне помочь! Давай соберем все вещи, которые мне дарили со дня свадьбы. Неси их сюда. У меня на примете есть тайник, о котором никто больше не знает.

– Тайник?! – воскликнула Беллина, и ей вдруг стало тяжело дышать. Она с трудом сдержала порыв слезно признаться во всем, а украденные кружевные манжеты, тонкие, как паутинка, и маленькие жемчужные сережки вдруг начали оттягивать карман, словно неподъемная ноша.

– Да! Мне бы, конечно, не хотелось держать что-либо в секрете от мужа, но... Я знаю, что тебе можно доверять. Принеси мне те блюда и позолоченные шкатулки из гостиной.

Беллина бросилась выполнять поручение своей госпожи, обрадовавшись возможности сбежать из спальни и хоть как-то заглядеть вину, терзавшую ее душу.

Вернувшись с двумя хрупкими, тончайшей работы, керамическими блюдами, на которых были изображены в профиль мужчина и женщина, она застала Лизу в шкафу – та влезла туда до пояса. Беллине содержимое этого большого шкафа-кладовки было хорошо знакомо – она заглядывала на полки множество раз, доставая постельное белье, гребни, разнообразные притирания, мази, бальзамы для тела и для волос в стеклянных, глиняных и металлических сосудах. Лиза тем временем расчистила заднюю стенку шкафа, которая оказалась потайной дверцей – за ней обнаружилась глубокая ниша. Беллина ахнула.

Лиза выпрямилась, потирая поясницу:

– Вот здесь можно что-нибудь спрятать.

* * *

На Пьяцца-делла-Синьория разгорался огромный костер.

Беллина поскользнулась на мостовой – следы карнавального шествия были повсюду, горожане себя ни в чем не стесняли. Она поплотнее закутала худые плечи в старенький плащ, прихватив его рукой у шеи, словно защищаясь. Вокруг извивались в плясках тела юношей и девушек, оглушительно дудели деревянные рожки², девицы легкого поведения свешивались с балконов, зазывая проходивших внизу мужчин. Все толкались, она чувствовала касания чужих плеч и рук – в обычный день подобное распутство недопустимо, думала Беллина, но у карнавала свои правила. Вернее, нет никаких правил.

Наверное, лучше все-таки вернуться домой, решила она наконец, отрезать пришитый к нижней юбке кармашек и достать из него маленькие сокровища. Можно даже спрятать их в той потайной нише за стенкой шкафа, которую ей показала Лиза. Никто и не узнает об этом никогда. И Стефано не разберет в огромной толпе, была она у костра или нет.

Но что-то заставляло Беллину идти дальше вместе с карнавальной процессией, направлявшейся к площади. Когда в поле зрения показалась высокая, стройная башня на дворце Синьории, одновременно донесся треск пламени большого костра, Беллину подхватила толпа и понесла вперед, как гигантская волна. На площади громоздилась деревянная пирамида, и огонь уже достиг высоты в два человеческих роста; языки пламени лезли вверх, в небо летели черные перья дыма.

Когда безудержная толпа внесла Беллину на Пьяцца-делла-Синьория, она увидела тысячи людей, окруживших костер. Там были ремесленники, прачки, ткачи, пекари, даже несколько богато одетых господ. Все восхищенно взирали, как сгорают предметы, символизир-

---

²⁵ Дорогая (*ит.*).

рующие земные богатства. По другую сторону костра Джироламо Савонарола в простой сутане и кожаных сандалиях стоял на расставленной стремянке и, воздев руки, благословлял толпу. Беллина смотрела на него зачарованно. Если в глазах Стефано таился огонь, то проповедник носил в своей душе ослепительное солнце.

Из-за спины Беллины сквозь толпу протиснулись двое парней. Они вдвоем несли огромное живописное полотно. Развернулись у костра, швырнули туда картину, и она, воссияв на миг яркими красками, вспыхнула. Толпа одобрительно загудела и затопала. Юнцы между тем всё прибывали, рассекая толпу целыми шеренгами. Шелковое платье, казалось, загорелось прежде, чем выскользнуло из рук одного из них, летя в костер, затем описало дугу, затанцевало в пламени, рассыпалось каскадом искр.

При виде следующего предмета Беллина охнула. Это была книга. Бесценный труд какого-то безымянного переписчика, усердно скопировавшего от руки каждую букву. Даже не зная о ее содержании, можно было сказать, что книга – баснословное сокровище, древняя инкунабула в кожаном переплете, редкость. Сама Беллина так и не выучилась грамоте – отец Лизы считал нецелесообразным давать образование служанке, – но у нее защемило сердце, когда плотные страницы занялись огнем, а переплет почернел и выгнулся от жара.

Некоторые горожане приносили собственные вещи и расставались с ними весьма неохотно, но в основном Беллина узнавала в лицо парней и мальчишек, которых Стефано отправлял собирать излишества по домам флорентийской знати, и уж они-то не жалели чужое добро. По одному и парами юнцы уже отправили в костер почти все собранные предметы роскоши, и каждый такой предмет, летевший в пламя, толпа провожала радостными воплями.

Беллина подобралась к костру так близко, что у нее щипало щеки от жара, а воздух, который она вдыхала, казался раскаленным.

Лишь теперь она увидела Стефано.

Он стоял у самого костра, наблюдая, как мальчишки швыряют сокровища в огонь, и в глазах его, устремленных на сгорающие богатства, Беллина видела нечто похожее на страсть. Сама же она вдруг почувствовала давно знакомую неприятную смесь влечения и опаски. Тотчас опустив руку в карман, нащупала там драгоценную добычу, украденную у женщины, которую вырастила как родную дочь.

По сравнению с живописными полотнами, дорогой мебелью, шелковыми платьями, шахматными досками, колодами карт, дорогой обувью – со всей роскошью, которая, сгорая сама, воспламеняла неистовство толпы, – эти безделушки казались мелочью, словно и вовсе ничего не значили. Что с того, если украденные ею побрякушки тоже сгинут во всепожирающем пламени? Она крепко сжала эти вещицы в кулаке. На мгновение ей захотелось развернуться и уйти восвояси. Украденное можно тайком положить в тайник Лизы – никто и не догадается. Лиза никогда ее не заподозрит. Но уже в следующий миг она ощутила на себе взгляд Стефано и увидела, как на его лице расцветает улыбка. Затем он кивнул ей из-за языков пламени. Поздно было уходить – он заметил ее, узнал о том, что она здесь. Его глаза полыхали огнем, будто костер горел в нем самом. Беллина затаила дыхание.

Она достала кружева и жемчуг из кармана, медленно разжала кулак, как ребенок, которого поймали на воровстве и заставили показать, что он украл. Жемчужины тускло сияли отраженным светом. А дальше ей показалось, будто рука взметнулась по собственной воле – похищенные сокровища полетели в огонь. Жемчужины сгнули сразу, но ей на какое-то застывшее во времени мгновение почудилось, что кружевная манжета закружилась в завихрениях пламени, затанцевала, словно языки огня решили с ней поиграть напоследок. Толпа опять разразилась радостными воплями, подведя черту в ее жертвоприношении.

Когда же Беллина устремила взор на Стефано, ожидая его реакции, оказалось, что он на нее уже и не смотрит – повернулся к толпе и раздает указания юнцам, требуя отправить

в костер еще больше греховных излишеств, пока пламя не взойдется над крышами, угрожая сжечь небеса. А потом толпа, расступившись, поглотила его, и он исчез из виду.

Такова была награда ей за воровство, за жертву, за акт сопротивления.

К горлу Беллины подкатил ком, она ощутила вкус горечи и попыталась сглотнуть, словно хотела избавиться от горькой правды.

Она предала Лизу.

Нет. Предала себя.

Продала душу за улыбку.

Леонардо

Милан, Италия

1498 год

– Они сожгли-таки чокнутого попа.

Я снова перечитываю письмо отца, скатываю пергамент и кладу его на скамейку рядом с собой. Дни становятся все теплее. Я смотрю, как Салаи, мой юный ученик, прогуливается вдоль ровных, ухоженных рядов принадлежащего мне виноградника у монастырских стен. Кое-где уже появляются грозди – пока что это грозди бутонов будущих цветов, но Бог даст, скоро лозы будут клониться от ягод. Салаи останавливается, качает на ладони деликатный побег с соцветиями. Я с внезапной болью понимаю, что нас обоих здесь, возможно, уже не будет ко времени сбора урожая.

– Неудивительно. – Салаи смотрит на меня сквозь переплетение виноградных лоз. – Флорентийцам давно пора было взяться за ум, вы так не считаете, маэстро?

Я не могу сдержать улыбку, меня смешат простодушная реакция мальчишки на новость, его суждение о людях из моего родного города и отрывистый миланский выговор.

Во Флоренции такого сожрут с потрохами.

Я снова расправляю пергамент и скольжу внимательным взглядом по ровным строчкам, начертанным рукой отца; его почерк отточен годами крючкотворства на посту нотариуса в городе банкиров и купцов.

– Отец пишет, на Пьяцца-делла-Синьория поставили виселицу и развели огромный костер.

– А не то ли это место, где ваши земляки в прошлом году спалили свое имущество, объявленное греховной роскошью? – любопытствует Салаи.

Я обвожу пальцем гладкие края восковой печати – на письме отца оттиснута лилия, наша *giglio*, излюбленный символ Флоренции.

– То самое, то самое. А теперь, стало быть, там виселицу построили для безумца, – бормочу я себе под нос.

На протяжении многих лет наблюдал я за тем, как Флоренция вершит правосудие. Я видел сожженных людей, привязанных к столбам, видел других, повешенных на брусьях, торчавших из высоких окон тюрьмы Барджелло. Я был в Дуомо²⁶ в числе тысяч прихожан, когда заговорщики с кинжалами напали на Лоренцо и Джулиано Медичи во время Торжественной мессы.

– Вот чего я не понимаю, – говорит Салаи, – теперь-то, когда брат Савонарола мертв, Медичи вернутся в ваш город или нет?

– Э-э...

Как растолковать хитросплетения флорентийской политической жизни миланскому юноше, который за свою жизнь нигде не бывал дальше Тосканы? Как объяснить, что дюжины

---

²⁶ Собор (*ит.* Duomo). В данном случае имеется в виду кафедральный собор Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции.

группировок создаются и распадаются у нас в мгновение ока, что люди, которые ужинают за одним столом вечером, могут наутро, за завтраком, перерезать друг другу глотки? Я не был в родном городе так долго, что уже наверняка и сам не разберусь, сколько там сложилось фракций накануне свержения Савонаролы.

– Все не так просто, друг мой...

– Ладно, так или иначе, эту казнь вполне можно было предвидеть. – Салаи устремляет на меня взгляд прекрасных зеленых глаз. – Вы сами говорили, что во Флоренции люди непостоянны в своих пристрастиях. А люди в любом городе обожают зрелища.

Я смотрю, как солнце клонится к стене за виноградником, но мысленным взором вижу свой город. Большинство флорентийцев некогда провозгласили Савонаролу святым, хотя были и такие, кто с самого начала называл его проходимцем и преступником. А когда этот священник признался, что выдумал все свои апокалиптические видения, как мог поступить его святейшество? Савонаролу лишили сана и отлучили от Церкви. Лишенный покровительства папы римского, он был неизбежно объявлен еретиком. А может, и буйнопомешанным.

Здесь, в Милане, суэта и неразбериха Флоренции всегда казались бесконечно далекими. Но сейчас, держа в руках отцовское письмо, я вижу эшафот на Пьяцца-делла-Синьория так, будто он стоит прямо передо мной. Мысленным взором окидываю толпу, которая все прибывает. Слышу крики, песнопения, барабанный бой. И смотрю на три тела – приговоренный к смерти священник и двое его сподвижников дергаются, пляшут в петлях, ибо дух человеческий в каждом из них жаждет последнего глотка жизни...

А потом вспыхивает пламя. Пламя создает искажения, порождает иллюзии. Оно превращает повешенных людей в мучеников. Не перевелись те, кто почитает Джироламо Савонаролу святым. Ходят слухи, плакальщицы после сожжения стенали по покойнику, а последователи Савонаролы, дескать, разворошили головешки на площади и растащили по домам остатки костей, лоскуты одежды, куски обгоревшей плоти – как реликвии.

Смех и грех.

Зачем, спрашивается, мне возвращаться в город, населенный людьми, которых так легко обморочить? Но вернуться домой меня настоятельно просит отец.

– Только, наверно, теперь-то там все утряслось? После того как тот... тот огонь потух, да? – спрашивает Салаи.

Я снова беру в руки письмо и помахиваю им в воздухе.

– Отец пишет, что при новом правительстве в городе откроется множество возможностей для таких, как я. Карнавальный хаос войдет в свою колею, на улицах вновь появятся богатые дамы в парчовых накидках и с жемчугами в волосах. Торговцы шерстью и шелками перестанут таиться по домам и начнут бахвалиться своими несметными сокровищами, как никогда прежде. И никто их за это не осудит – напротив, их станут принимать повсюду как князей. Отец также напоминает мне, что богачи любят развешивать у себя портреты собственных жен.

– Тогда мне уже не терпится увидеть Флоренцию, – говорит Салаи, и на сей раз он улыбается.

А я вздыхаю. Готов ли я тоже увидеть все это, вернувшись? Свой город, новых покровителей, новые возможности? Честно говоря, вовсе не нашествие французов меня страшит. Я не боюсь лжепророков, не боюсь, что придется начать все заново, даже неизвестность меня не пугает. Правда в том, что меня охватывает паника при мысли о необходимости взглянуть в глаза отцу.

– Обдумали бы вы предложение вашего батюшки, – советует Салаи, будто прочитав, что у меня на уме.

Я киваю:

– Может статься, ты прав. А сам-то не передумал со мной ехать?

На мгновение лицо Салаи омрачается. Но вряд ли я сейчас услышу правду о том, что он чувствует, представляя, как покинет родину и устремится со мной в неизвестность.

– Говорят, Флоренция – дивный город, маэстро. Да и потом, где же мне быть, как не подле вас?

Я не могу сдержать смешок.

– Тогда мы отправимся вместе, сынок. В огонь. Прямым в пламень.

БЕЛЛИНА

Флоренция, Италия 1498 год

В своей крошечной спальне, оставшись наедине с собой, Беллина достала из кармана пригоршню угольков – несколько обуглившихся человеческих косточек – и выложила их на колченогий стол. Падая с ладони, они застучали, как игральные кости, на неоструганном дереве. Беллина взяла один уголек и внимательно рассмотрела его в зыбком свете единственной свечи. Возможно, это была фаланга пальца, но Беллина не знала точно.

С самого начала она, оцепенев от ужаса, завороченно смотрела на казнь, не в силах отвести глаза. Она не отвернулась, даже когда всем телом Джироламо Савонарола – человек, казавшийся бессмертным, – дико задергался, заплясал на веревке, в петле, а потом затих. Она продолжала смотреть, когда помощники палача укладывали вязанки хвороста под ногами повешенного. Пламя занялось быстро, жадно набросилось на прутья и поленья. Костер был в два раза выше, чем тот, что в прошлом году, по приказу Савонаролы, разводили здесь во время карнавала. Огонь не замедлил охватить тела в белых балахонах. Беллина видела, как толстые веревки с треском лопнули, и три тела провалились в огненную бездну.

Как быстро люди вознесли Савонаролу на пьедестал. И как быстро они его низвергли.

Много часов спустя Беллина все еще стояла у дымящихся головешек большого костра, там, где Джироламо Савонарола и его ближайшие сподвижники испустили последний вздох. Она узнала в лицо несколько фратески, разворошивших еще горячие угли, – они искали останки священника, чтобы забрать их с собой, словно в его обгоревших костях могла таиться чудодейственная сила. И в тот момент ей показалось вполне естественным броситься к пепелищу и тоже схватить реликвии, унести частицу Савонаролы в тайном кармане, пришитом к юбке. Почему она взяла эти косточки? Быть может, потому, что все еще пребывала под властью иллюзии и верила, что брат Савонарола был пророком?

Теперь Беллина понимала, что сделала глупость. Неужто этому священнику удалось и ее ввести в заблуждение, как и многих других? С того самого дня, как она год назад швырнула в огонь украденные у Лизы крестильные дары ее детей, Беллина то и дело задумывалась, не привела ли ее к фратески собственная наивность. Будут ли они и дальше собираться на складах красильщиков? Чем займутся теперь, когда их гипнотический вождь обратился в пепел и горстку обгорелых костей? Чего на самом деле стоили ее усилия, вера и благочестие? Была ли она искренней последовательницей Савонаролы или всего лишь влюбленной женщиной, жаждавшей внимания Стефано?

Впрочем, это уже не имело значения – Стефано исчез, и никто, даже его сестра Дольче, не знал, куда он направился.

Беллина собрала косточки в мешочек и засунула его глубоко под обивку тюфяка на кровати. Внутри, в тюфяке, она вдруг наткнулась пальцами на какой-то маленький твердый предмет и достала его. Это был старый коралловый амулет на шелковой ленте, тот самый, который Беллина присвоила себе в доме отца Лизы много лет назад. Он был подарен новорожденной Лизе и призван ее защищать. Вместо амулета защитницей Лизы стала сама Беллина. Талисман много времени провел у нее в кармане, а потом под обивкой тюфяка. Так много, что она успела позабыть об этой вещице. Теперь же, повертев в руках красную коралловую подвеску, Беллина засунула ее в тюфяк, на прежнее место. Она была рада, что в приступе фанатизма не отпра-

вила этот амулет в свое время вслед за другими жертвоприношениями на алтарь Джироламо Савонаролы.

За толстыми стенами дома Лизы и Франческо никто больше не заговаривал о низвергнутом проповеднике. И о надоедливых бандах юнцов, покушавшихся на их сокровища, тоже вспоминать перестали. Вечерами Беллина и Лиза теперь по очереди укачивали маленькую Пьеру, пели ей колыбельные и убрали прядки волос с покрытого испариной детского лба – малышка заболела. Много дней она была бледненькой и вялой, а потом ее щечки снова обрели румянец, и все пошло дальше своим чередом.

Мать Франческо без устали посылала Беллину с записками то в богатые дома своих подруг, то в шелкодельные мастерские сына у Понте-Веккьо, где десятки людей работали на хитроумно устроенных, громыхающих, клацающих прядильных станках, изготавливая длинные, в несколько локтей, полотна – шелк, дамаст, атлас, парчу. Приказчики и мастера надзирали за работой ткачей, складированием и продажей узорчатых тканей. Бардо, старший брат Стефано и Дольче, тоже вернулся к работе в шелкодельной мастерской Франческо и присматривал теперь за тем, как женщины в цеху укладывают одну ярко окрашенную нить на другую, а на станках растут блестящие, мерцающие, пестрые шелковые полотна. Кузен Лизы, Герардо, из несносного озорного мальчишки превратился в пригожего юношу, у которого на подбородке уже начала пробиваться жесткая щетина. Он учился оценивать стоимость золотых и серебряных нитей, осваивал премудрости упаковки тканей и управления караванами мулов, доставлявших товар в Лион, Антверпен и Лиссабон. Франческо до поздней ночи стучал костяшками деревянных счетов, ибо ткацкое дело и торговля тканями переживали небывалый расцвет, какого не было со времен Медичи.

Всё вроде бы вернулось на круги своя. Так что же изменилось? Медичи давно покинули город, отправился на тот свет Савонарола, во Флоренции установилась новая власть. И как это повлияло на жизнь горожан? Лиза и ее свекровь по-прежнему наряжались в тончайший бархат и расшитую бисером парчу, разве что их наряды стали пышнее. Новые подруги – женщины из семейств Таддеи, Дони, Строцци и прочих, обязанных своими состояниями тысячам извивающихся личинок шелкопряда, приняли Лизу в свой круг. Беллина покорно следовала за хозяйками по внутренним дворикам и галереям, среди статуй и апельсиновых деревьев, пока Лиза и ее свекровь восхищались чужими богатствами.

Площади более не пустовали, по ним не металось запыленное эхо трескучих костров и неистовой толпы. Они снова наполнились пестро разодетыми людьми в бархатных плащах цвета драгоценных камней, в деревянных башмаках на высокой подошве, поднимавшей их над уличной грязью, и с парчовыми расшитыми сумками на витых шелковых шнурах. Торговцы шерстью, покинув свои дома из тесаного известняка, снова гордо разгуливали целыми семьями по городу, бахвалясь роскошными одеждами и украшениями. Никто их не осуждал более – напротив, встречали, как князей. «Все и вся, – думала Беллина, – вернулись на греховный путь. Отправятся ли они в ад? Или это тоже заблуждение?»

Она чувствовала себя глупее некуда. И отчего ей втемяшилось в голову, что для нее возможна какая-то жизнь за пределами дома, где живет Лиза? Она, Беллина, принадлежала Лизе всецело. Их судьбы переплелись, как шелковые нити в мастерских Франческо. Лиза – яркая, блестящая нить; Беллина – серенькая, тусклая. Лиза и Беллина – основа и уток²⁷, сплетенные так тесно в единое полотно, что одна не может представить себе жизни без другой.

Что до Франческо, тот по-прежнему и думать не думал ни о чем, кроме своих мастерских и торговли. За единственным исключением. Все чаще он заговаривал о том, что надо бы найти художника, который напишет портрет Лизы, – это будет дань уважения его супруге и

²⁷ Уток – поперечные нити ткани, расположенные перпендикулярно к нитям основы.

предмет гордости, которым смогут любоваться влиятельные друзья и торговые партнеры семьи Джокондо. И говорил он об этом так, будто считал самым важным делом в своей жизни.

Часть 3

Основа и уток

Анна

Шамбор, Франция

1939 год

– Анна, просыпайся. Мы приехали.

Кто-то ласково потрепал ее по плечу. Анна подняла голову, в которой еще клубился туман из обрывков сна. Сквозь веки пробивался яркий свет. Она открыла глаза и увидела широкую улыбку Коррадо.

– Даже не верится, – пробормотала девушка. – Наконец-то!

Путешествие, которое должно было занять несколько часов, продлилось пять дней. Пять дней медленного неуклонного движения вперед с остановками лишь для того, чтобы поесть на обочине и заночевать прямо в грузовиках. От бесконечной тряски у Анны ныла каждая косточка в теле. После пяти дней разговоров с Коррадо ей казалось, что она знает его всю жизнь. Анна рассказала ему о своей работе в архиве, о том, как Лувр стал для нее почти родным домом, о Марселе и Кики, о жизни без отца. О том, как она всегда защищала брата и оберегала его от неправильных решений, как он взамен научил ее жульничать в карточных играх, зажигать огонь без спички и водить машину.

Коррадо, в свою очередь, поведал Анне о детстве во Флоренции, о передававшихся из поколения в поколение традициях своего рода, который много веков был связан с производством текстиля; о том, как родители приняли решение ради новых возможностей и блага семьи устроиться на швейную фабрику в парижском районе Сантье. С этим добродушным итальянцем, мастером по ремонту швейных машинок, было легко и просто общаться. Анне даже казалось странным, что меньше недели назад они были незнакомы.

Она вышла из кабины грузовика, помассировала затекшую шею и плечи, а когда глаза привыкли к яркому солнечному свету, лившемуся с чистого, открытого неба на поля, огляделась и ахнула.

Над зеленой равниной высился замок Шамбор, похожий на гигантский торт, вознесший к небу круглые башни. Из-за идеальной симметрии этого сооружения казалось, что его взяли со страниц книги сказок, поставили здесь, в долине, и оно обрело реальность. Анна поймала себя на том, что смотрит на замок разинув рот. Она выросла в окрестностях собора Нотр-Дам и бесчисленное множество часов провела в Лувре, но никогда не видела ничего подобного этому великолепию.

Коррадо, открыв дверцу грузовика, спрыгнул на землю и потянулся, закинув руки за голову.

– *Madonna mia!*²⁸ – радостно воскликнул он и рассмеялся.

Анна подумала, что такое выражение чувств очень уместно, и тоже засмеялась. Она направилась ко входу в замок, и ей почудилось, что коленные суставы возмущенно захрустели в знак протеста против стольких дней неподвижного пребывания в тесной кабине.

---

²⁸ Матерь Божия! (*ит.*)

– Venez!²⁹ – донесся до нее голос Люси. – Комендант покажет, где выгрузить то, что мы привезли. Нужно достать описи, чтобы сразу сделать пометки. Завтра водители отправятся обратно в Париж за новой партией экспонатов.

«Водители возвращаются в Париж? Уже?» – мелькнуло в голове Анны.

– Oui, madame³⁰, – отозвалась она и, обернувшись, увидела, что Коррадо пристально смотрит на нее. Эти пять дней они провели в пути бок о бок, а теперь их долгим беседам внезапно настал конец. А собственно, почему внезапно? Они прибыли на место назначения, вот и все. Но Анну вдруг охватило волнение, странное смятение чувств.

Коррадо хлопнул в ладоши:

– Ну что, дело сделано! И «Мона Лиза» с нами!

– Спасибо, – пробормотала Анна, – за то, что мы благополучно доехали. Еще увидимся.

– Увидимся, – кивнул Коррадо.

Она пошла дальше, а он остался стоять у грузовика, засунув руки в карманы. Анна еще долго спиной чувствовала его взгляд.

* * *

Месье Шоммер – элегантный, с сединой на висках и безупречно повязанным галстуком-бабочкой – особых восторгов при виде замка Шамбор не выказал.

– С этим зданием хлопот не оберешься, – заявил он, и его голос эхом разнесся под сводами похожего на пещеру вестибюля, в котором пахло нафталиновыми шариками.

Анна, следовавшая за Люси, присоединилась к нескольким десяткам луврских смотрителей, кураторов, охранников, архивариусов и их помощников, изнуренных долгим путешествием из Парижа. Все собрались вокруг месье Шоммера в ожидании указаний.

– Для начала, – продолжил он, – замок хоть и прекрасен, на первый взгляд, но пребывает не в лучшем состоянии, вопреки нашим надеждам.

Анна заметила капельки пота, поблескивающие над бровями месье Шоммера. В замке было душно, хотя солнце уже клонилось к горизонту.

– Здесь очень сыро. – Он вздохнул. – Для хранения экспонатов нужно выбрать самые сухие помещения.

Поначалу Анна была уверена, что руководство Лувра знает, что делает, выбирая для эвакуации музейных коллекций Шамбор как главное хранилище, но теперь она в этом усомнилась.

– Такое ощущение, что, если тут зажечь спичку, всю хоромину заволочет дымом, – прозвучало у Анны за спиной.

Она обернулась и взглянула на дородного мужчину с ярко-голубыми глазами и белоснежными усами, кончики которых были лихо закручены вверх. Одет он был в измятую и поношенную униформу службы охраны Лувра и форменную кепи с коротким козырьком.

Месье Шоммер, поколебавшись, кивнул:

– Верное замечание, Пьер. Месье Жожар и остальные члены руководства осведомлены о риске пожара. Это одна из причин, по которым многие экспонаты будут размещены в Шамборе временно, а затем мы перевезем их в другие хранилища в Долине Луары. Но в данный момент замок Шамбор – лучшее, что у нас есть. Он находится достаточно далеко от Парижа и является одним из немногих принадлежащих правительству зданий, хоть как-то оборудованных для хранения коллекций Национальных музеев. В ближайшее время сюда еще придут экспонаты из Компьенского дворца и разных галерей. Нам нужно найти для всего этого место.

---

²⁹ Идите сюда! (фр.)

³⁰ Да, мадам (фр.).

– Еще надо найти способ затащить это все наверх вон по той дурацкой лестнице, – шепотом, но так, что все услышали, добавил Пьер и хрюкнул от смеха, а в толпе музейных работников зашептались.

Анна оторопела. Вообще-то Пьер был прав: огромная замысловатая лестница, состоящая из двух спиралей, изящными витками возносилась вверх у дальней стены. Это была всего лишь лестница, но Анне она показалась сложнейшим сооружением из резных балясин, изгибов, тонущих в тени, и ступеней разного размера. Она не видела в жизни ничего подобного и невольно сделала шаг вперед, чтобы рассмотреть ее получше.

– Лестница, как вы, вероятно, знаете, – сказал месье Шоммер, – была спроектирована предположительно Леонардо да Винчи.

– Леонардо был здесь? В Долине Луары? – удивился кто-то из помощников архивариусов. Шоммер кивнул:

– Франциск Первый пригласил его сюда из Флоренции, и последние годы Леонардо провёл здесь. Король стал его главным покровителем. Чертежи этой новаторской двойной винтовой лестницы есть в записных книжках Леонардо да Винчи. Вероятно, он спроектировал не только ее, но и оригинальную систему вентиляции в этом замке. – Месье Шоммер направился к темному дверному проему. – Двери здесь низкие, дамы и господа, берегите головы. – Он смахнул паутину у себя на пути. – И некоторые ящики могут не пройти по размеру. Идите за мной.

Анна вошла в следующий зал вслед за Люси и остальными. Пьер, седой охранник, ковылял, подволакивая ногу, позади всех, и девушка задумалась, что за травма могла стать причиной такой сильной хромоты.

В толпе Анна вдруг заметила Жоржа Дюпона, начальника музейной службы безопасности, того самого человека, который нанял на работу ее брата, и нырнула за спину Люси. Потому что если месье Дюпон спросит, где Марсель, ей нечего будет ответить. Она не сумеет объяснить, почему брат не отправился с ними в такое важное путешествие. Замолвив словечко за Марселя, Анна поставила на кон свою репутацию, а теперь вот не знала, что сказать. Так что она просто старалась держаться вне поля зрения месье Дюпона, пока все переходили из одного великолепного зала в другой, слушая рассуждения месье Шоммера о преимуществах и неудобствах замка Шамбор в качестве хранилища коллекций. В высокие арочные окна лился золотистый вечерний свет.

Наконец персонал вышел на площадку перед замком, где водители, охранники и некоторые музейные работники уже развили бурную деятельность. Анна быстро нашла Коррадо – он вытаскивал ящики из кузова собственного грузовика. Люси с группой старших кураторов стояла возле соседней машины, и девушка подошла к ней.

Ящик с тремя красными кружочками она узнала сразу.

– «Джоконда», – шепнула Анна, обращаясь к Люси. – Куда ее поместят?

– Шоммер поклялся месье Жожару, что глаз с нее не спустит и будет держать в своей спальне.

Анна кивнула и услышала позади пыхтение – Пьер остановился неподалеку от них, поставив у кривых ног небольшой деревянный ящик.

– А никто не подумал о том, что это здоровенное здание стоит одно-одинешенько в чистом поле? – осведомился охранник. – По мне, так отличная мишень. С воздуха как на ладони.

Женщины невольно проследили за его взглядом, устремленным в безоблачное небо. Затем Пьер подхватил с земли ящик и заковылял к парадному входу в замок. Анна и Люси переглянулись со сдержанными улыбками, но Анне стало не по себе.

– Думаете, он прав? – тихо спросила она. – Ведь наверняка месье Жожар и месье Шоммер не подвергли бы нас... то есть все, что мы привезли... опасности, да? – И впервые увидела, как Люси хмурится.

– Они очень скрупулезно подошли к выбору надежного места для экспонатов. И здесь уж точно безопаснее, чем в Париже, могу тебе гарантировать. – Люси помолчала, но все же спросила: – Ты ведь не жалеешь о своем решении поехать с нами?

Анна посмотрела на кузов машины, где десятки ящиков, помеченных разноцветными кружками, ждали своей очереди на разгрузку.

– Нет. Конечно нет.

Следующие пару часов, пока небо не обрело цвет глубокого моря, Люси, Анна и еще несколько сотрудников музея руководили разгрузкой и размещением бесчисленных коробок с архивными материалами. Поздним вечером кто-то из кураторов принес им *rain au jambon*³¹, которые Анна приняла с благодарностью.

Они с Люси расставляли и переставляли папки с документами в большом обеденном зале, обсуждая, каким образом выстроить инвентаризацию на новом месте и как удобнее учитывать каждый экспонат, который пересечет порог замка. В конце концов решили придумать свою систему обозначений для просторных галерей внутри замка, которые могли вместить в себя всё – от египетских мумий до бесценных живописных полотен.

Когда совсем стемнело и работать стало невозможно, в обеденный зал заглянули двое музейных охранников – сказали, что им поручено всем показать их новые спальные места. Люси и других сотрудников, занимающих руководящие посты, они отвели в отдельные комнаты. В другом конце коридора, напротив спальни Люси, Анне и другим женщинам из числа помощников, показали огромный зал со сводчатым потолком – наверное, по площади он мог сравниться со всем домом, в котором находилась квартирка Анны. На мраморном полу ровными рядами были расставлены узкие койки. Она узнала в лицо нескольких машинисток и ассистенток кураторов, устало бредущих по проходам. В углу, среди сумок и саквояжей, сваленных в кучу, Анна заметила свой потрепанный чемоданчик, подумала, что его, наверное, принес сюда Коррадо, и остановила собиравшегося уходить охранника, который привел ее сюда:

– А где разместили водителей грузовиков?

– Их отправили в город искать себе ночлег, здесь места для всех не хватит. *Vonne nuit, mademoiselle*³². – С этими словами охранник исчез в темном коридоре.

Анна, без сил рухнув на койку, устала в огромный темный потолок, внезапно почувствовав себя одинокой в просторном зале. Две машинистки догадались взять с собой фонарики. Тусклые, слабосильные лучи света привели в движение марево теней на стенах. Забравшись под тонкое, пахнущее сыростью одеяло, Анна еще долго ворочалась с боку на бок, не в силах заснуть – мешали непривычные звуки, не смолкавшие вокруг. То и дело скрипели пружины чужих коек, шуршала одежда, кто-то шептал молитву. Анна все время невольно прислушивалась, не раздастся ли гул моторов самолета – никак не могла забыть слова седоусого охранника о том, что замок представляет собой удобную мишень для атаки с воздуха. Найдут ли их немцы? Будут ли они вообще искать «Мону Лизу» и другие музейные сокровища в такое время?

Круговерть мыслей постепенно успокаивалась в темноте, и Анна задумалась о брате. Где сегодня ночует Марсель? Это вызвало у нее новую бурю эмоций – от леденящего страха до жгучего гнева. «Вдруг он уже мертв? – подумала она и тотчас отогнала эту мысль. – Но почему же все-таки Марсель не сказал, куда уехал?»

– Дамы и господа! – донесся из коридора голос охранника. – По радио сейчас новости будут передавать! Идемте!

---

³¹ Бутерброды с ветчиной (*фр.*).

³² Спокойной ночи, мадемуазель (*фр.*).

Анна, вскочив, бросилась к двери. Музейные работники – кто-то докуривал перед сном последнюю сигарету, кто-то уже успел переодеться в пижаму – столпились в коридоре. Кутаясь в тонкое одеяло, накинутое на плечи, Анна последовала за всеми в большую галерею на первом этаже.

– Гунны идут, – тихо сказал кто-то из кураторов, когда все спустились по винтовой лестнице Леонардо да Винчи.

«Неужели это правда? Немцы все-таки наступают?» – подумала Анна, и по ее спине пробежал холодок.

В большой галерее их ожидал Пьер, седоусый охранник. Он, сидя на корточках, крутил ручку настройки радиоприемника, но из динамика пока доносились только треск и шипение. Все собрались вокруг него; Анна заметила в толпе взъерошенного месье Шоммера и профессора Жаклин Бушо-Сопик, которая читала лекции в *École du Louvre*³³ – сейчас казалось, вечность назад.

Наконец радиоволны принесли чистый звук – и Пьер выпрямился:

– Слушайте! – сказал он. – Месье премьер-министр сейчас произнесет речь.

Из приемника донесся скрипучий голос Эдуара Даладье:

– ...Сегодня истек срок ультиматума, выдвинутого нашей страной Германией. – Голос французского премьер-министра звучал странно, искаженно из старенького аппарата. – Германия не вывела войска из Польши и продолжила наступление на Францию. Таким образом, наши народы теперь находятся в состоянии войны...

Вокруг запыленного радиоприемника царило молчание. В глазах у всех Анна видела страх. Несмотря на то что люди были готовы к этому объявлению, каждый до последнего надеялся, что войны можно избежать. Теперь же сбылись самые худшие опасения, и оказалось, что они покинули Париж с музейными сокровищами как раз вовремя. Стало быть, она все же сделала правильный выбор? Анна не знала.

* * *

Взятый напрокат велосипед легко катился по пологому склону вниз, прочь от замка Шамбор, к местному городку. Анна не крутила педали. Вдали горстка домов и извилистые улочки аккуратно вписывались в зеленый с золотом ковер полей, по которому были разбросаны фермерские постройки.

– Здесь так красиво, – сказала Антуанетта, молодая машинистка из отдела древностей.

У Антуанетты были светлые волосы, россыпь веснушек на носу и большие карие глаза. Месье Шоммер отправил девушек в ближайший город с поручением купить кое-какие продукты и разузнать, нельзя ли снять дополнительные комнаты для охранников. Они катили бок о бок, выстраиваясь гуськом, только чтобы обогнуть редко попадавшие навстречу автомобили, повозку, запряженную мулом, или пешеходов. Толпы парижских беженцев остались далеко позади, но Анна знала, что здесь люди тоже начали покидать свои дома. Казалось, новость о войне Франции с Германией всех выгнала на улицы.

– Но это не Париж, к сожалению, – отозвалась Анна.

– Радуйся, что ты сейчас не в Париже, – подбодрила ее Антуанетта, однако Анна слишком сильно переживала за мать и брата.

– Здешний городок – крошечная точка на карте, – сказала она. – Ума не приложу, как мы там найдем достаточно комнат, чтобы расселить наших.

---

³³ Школа Лувра (*фр.*) – парижский вуз, выпускающий специалистов по истории искусств, археологии, антропологии и эпиграфике.

– Смотри, – махнула рукой Антуанетта, – вон там здание жандармерии. Они могут нам подсказать.

У Анны защемило сердце. Может, жандармы помогут и ей?

Она вслед за Антуанеттой вошла с залитой солнцем улицы в прохладную, тускло освещенную приемную участка. С ними поздоровался скучающий за стойкой дежурный, и Антуанетта, не забывая похлопывать ресницами, принялась расспрашивать его, где тут у них можно снять комнаты для музейных работников, а Анна направилась к столу, за которым смуглый офицер с седыми прядями в волосах что-то записывал в разлинованной толстой тетради. Когда девушка приблизилась, он поднял взгляд.

– Добрый день, – нервно сказала Анна.

До этого ее общение с полицией складывалось не очень хорошо, особенно когда она приходила вызволять Марселя из камеры в парижском участке. Но этот жандарм выглядел вполне доброжелательным. Он откинулся на спинку стула и выжидательно смотрел на нее.

– Я хочу заявить о том, что пропал человек, – проговорила она.

– Думаете, вы одна такая? – устало отозвался офицер. Он открыл другую тетрадь и помахал перьевой ручкой. – Рассказывайте, что стряслось.

– Пропал мой брат, его зовут Марсель Гишар, – сказала Анна. – Однажды вечером я пришла домой... это было вечером двадцать восьмого августа... а его там не оказалось. Утром я уехала из Парижа. – Она достала из кармана записку – ту самую, которую нашла на подушке Марселя и с тех пор всегда носила с собой, – и молча положила ее на стол перед офицером.

Тот развернул сложенный листочек и едва скользнул по нему мрачным взглядом.

– А вы, значит, из Парижа? – Он закрыл тетрадь.

– Да, но... Прошу вас! – взмолилась Анна. – Я боюсь, что мой брат мог попасть в опасную ситуацию.

– Можете оставить заявление, – вздохнул жандарм, глядя на нее. – Только вот, вы видели, что на улицах творится, мадемуазель? Тысячи людей теряются, уезжают неизвестно куда. Думаете, нам удастся найти какого-то парижского парня? У нас в участке накопилась целая гора заявлений о пропаже людей из всех уголков Франции.

У Анны упало сердце.

– Но вы ведь все равно будете его искать?

Вероятно, ей удалось вызвать сочувствие, потому что офицер, достав из ящика стола бланк заявления и подтолкнув его по столу к Анне вместе с ручкой, сказал:

– Заполняйте. Я перешлю это коллегам в Париж.

Анна, присев на разохшийся деревянный стул у стены, заполнила бланк. Антуанетта все еще флиртовала с молоденьким дежурным жандармом у дверей участка. Пройдя мимо них, Анна остановилась на залитой солнцем узкой улочке и сделала глубокий вдох. На что она рассчитывает? Каким образом усталый офицер из жандармерии захолустного городка в тысячах миль от Парижа сможет найти ее безалаберного братца? Особенно сейчас, когда столько людей, все бросив, действительно бегут куда глаза глядят. Офицер просто сжалился над ней. Но от этого не будет никакого толку.

– Вот, пожалуйста! – Антуанетта с сияющим лицом вышла из здания жандармерии. – Все получилось! Они мне дали адреса дюжины местных жителей, которые сдают комнаты. И обещали еще несколько велосипедов напрокат. У нас теперь будет жилье для всех! – Она вдруг замолчала. – Анна, что с тобой?

– Ничего, все хорошо.

* * *

Анна, сидя за переносной пишущей машинкой у окна в коридоре с витиеватым декором, работала медленно и сосредоточенно, стараясь ничего не пропустить. «Гравированный коралловый амулет на шелковой ленте, – печатала она. – Итальянский Ренессанс, предположительно Флоренция, ок. 1450 г.». К описанию добавился инвентарный номер ящика. Интересно было, сколько войн пережил этот амулет за несколько веков со дня своего появления на свет и была ли среди них война страшнее той, что сейчас началась. Действительно ли владелица амулета верила, что он уберезет ее от бед? Сколько раз эту милую, заманчивую безделушку кто-нибудь пытался стащить, не выдержав искушения, а если удавалось, прятал ее в карман или под матрас...

– Плохи наши дела. – В коридор вышел месье Шоммер со скорбным выражением лица. Анна подняла взгляд от машинки, но ее пальцы продолжили бегать по клавишам.

– Что случилось? – спросила Люси. Она расхаживала мимо сложенных у стены ящиков, сверяясь с описью, и диктовала Анне описание их содержимого. Число ящиков было невысказанно велико и постоянно менялось. Часть из них уже увезли из Шамбора в другие замки и государственные здания по всей Франции, но количество новых ящиков, которые надо было учитывать, описывать, определять на хранение и так далее, казалось, не иссякнет никогда. При этом достаточно было допустить в описи одну маленькую ошибку, что-то пропустить, и какое-нибудь уникальное, бесценное произведение искусства могло затеряться навсегда.

– Мы открыли ящик... с тремя красными кружочками, – сказал месье Шоммер и принялся расхаживать по коридору туда-обратно.

«Мона Лиза!» – сразу поняла Анна, и клацанье клавиш пишущей машинки мгновенно стихло.

Шоммер продолжал:

– Сырость уже дает о себе знать. Если деревянная панель пострадает от влажного воздуха, мы не сможем провести реставрацию в нынешних условиях. Я уже написал месье Жожару – попросил у него разрешение перевезти «Мону Лизу» в другое место и как можно скорее.

Люси растерянно покачала головой:

– Куда же мы ее повезем сейчас?

Месье Шоммер взъерошил редующие волосы:

– Не знаю, может, в Блуа, в Лувины или в Шерперин... Да хоть в сейф в Банке Франции, если придется!

Анна видела, как осунулось его лицо, под глазами обозначились серые тени.

– Если из-за этого нужно будет еще раз переделать опись, мы готовы, – кивнула Люси. Она окинула взглядом ящики в коридоре, оценивая в очередной раз гигантское количество работы по учету и контролю за постоянным перемещением экспонатов. – А пока пора сделать перерыв на обед.

Анна приняла это предложение с благодарностью, но сначала допечатала страницу и только потом отложила опись. День был долгий и утомительный. Встав из-за шаткого столика, на котором была пристроена пишущая машинка, она повернулась и чуть не столкнулась с Коррадо.

– Ciao, bella³⁴, – подмигнул он ей.

– Привет! – воскликнула Анна, просяив. – Давно не виделись! Как прошла поездка в Париж?

---

³⁴ Привет, красавица (*um.*).

– Привез оттуда скульптуры, все в целости и сохранности, моя старушка опять не подвела. Теперь пробуду тут несколько дней. Твое начальство говорит, для меня есть какое-то важное задание, но пока это тайна, покрытая мраком!

Анна заулыбалась, сама удивляясь тому, как она обрадовалась, что Коррадо останется в Шамборе хоть ненадолго.

– Сегодня такая хорошая погода, что все, похоже, решили пообедать на лужайке, а не в этом пыльном замке, – сказал он. – Надо пользоваться моментом, пока зима не настала.

Анна последовала за Коррадо на зеленую неровную лужайку внутри крепостной стены, думая о том, что столетия назад обитатели Шамбора, должно быть, смотрели на эту стену с уверенностью, что она защитит их от любой угрозы. Но было это, разумеется, задолго до того, как в небо стали подниматься бомбардировщики, несущие смерть по воздуху.

Девушка расстелила теплый плед в тени раскидистого дерева, уселась и оттуда наблюдала, как итальянец наполняет тарелку у общего стола. Коррадо был ладно скроен – крепкий, стройный; от него исходило ощущение кипучей, искрящейся жизненной энергии, и его обаянию невозможно было сопротивляться.

Он подошел, сел рядом с Анной; тарелка у него в руках была наполнена до краев и с горкой. Анна при виде такого количества еды засмеялась, повыше подняв воротник теплого свитера – было все-таки прохладно.

– Что? Мне нужно поддерживать форму, – попытался оправдаться Коррадо. – А почему ты работаешь в пыльном коридоре? – спросил он и, взяв здоровенный кусок рулета, опасливо его понюхал, скривился, но все же откусил. – Мне казалось, вы с Люси отлично обустроились в обеденном зале.

– Поначалу да, – отозвалась Анна, – но потом кто-то сказал Люси, что там на столе в восемнадцатом веке проводили вскрытие трупов, и мы сразу оттуда сбежали.

– Вскрытие? Хорошо, что нам не пришлось в голову там пообедать. – Он устался на рулет с новым приступом отвращения. – Спасибо, что сообщила мне об этом за едой.

Приятно было посмеяться, даже учитывая, что юмор был черный, решила Анна.

– Ты привез нам еще одну гору сокровищ? – спросила она, кивнув в сторону грузовиков, припаркованных на усыпанной гравием площадке перед замком.

– Да. Тебя также, вероятно, порадует известие о том, что я все-таки побывал в Лувре. К сожалению, там сейчас почти пусто. – Коррадо улыбнулся. – Когда я ехал сюда с полным кузовом бесценных произведений искусства, чувствовал себя Винченцо Перуджей.

– А кто это? – не поняла Анна.

– Неужели ты о нем не слышала? Я думал, ты вспыхнешь гневом при одном упоминании этого имени.

– Так кто он такой?

– Вор! – театрально провозгласил Коррадо. – *Итальянский вор*. Он украл «Мону Лизу» в тысяча девятьсот одиннадцатом году.

– Ах да, теперь вспомнила! Нашумевшая история о человеке, который вынес «Мону Лизу» из Лувра через служебный вход, завернув ее в рабочий халат сотрудника музея. Но я слышала не только об этом, а еще и о том, что его поймали и посадили в тюрьму. Не очень-то удачливый вор оказался. Однако должна заметить, вы, синьор, знаете об искусстве больше, чем хотели показать, – поддразнила Анна.

– Ну, я ведь живу в Париже, – отозвался Коррадо, – и просто обязан что-нибудь знать о Лувре. Ты сама так сказала, – подмигнул он. – Так или иначе, у синьора Перуджи, возможно, были благие побуждения. Многие итальянцы считают, что эта картина должна вернуться в Италию. Леонардо да Винчи ведь был итальянцем, а не французом. Итальянцы считают, что французы украли портрет... в числе множества других итальянских шедевров живописи, которые теперь хранятся в вашем великом музее, мадемуазель.

Анна задумалась над словами Коррадо. В чем-то он был прав – некоторые произведения искусства оказались в Лувре в результате захватнических войн и колониальных кампаний прошлого. И все же, взглянув на улыбающегося Коррадо, она не могла не подначить его в ответ:

– Возможно, отчасти так и есть, но в случае с «Моной Лизой» твой довод не годится. Ты разве не знал, что Леонардо да Винчи сам привез этот портрет во Францию? Да к тому же для месье Перуджи история плохо закончилась. И тебе тоже удачи не видать, если «Мона Лиза» не вернется в Лувр в целостности и сохранности.

Коррадо покивал, словно бы смирившись с тем, что Анна может выйти победительницей из любого спора об искусстве. Так или иначе, он предпочел сменить тему:

– Скажи лучше, как продвигаются поиски твоего брата. Может, жандармы что-то разузнали? – Он поставил опустевшую тарелку на плед.

Тут Анна заметила, как по лужайке шагает – тоже с тарелкой – месье Дюпон, и поспешно повернулась к нему спиной, даже поглубже натянула шляпку, когда он проходил мимо.

– Пока нет, – вздохнула девушка, вспомнив, как глупо чувствовала себя в разговоре с местным офицером жандармерии.

– Твой брат – взрослый парень, – напомнил Коррадо. – Я уверен, что он сможет о себе позаботиться.

– Кто, Марсель? – Анна покачала головой. – Вряд ли. Это всегда было моей обязанностью. – Она замолчала, пытаясь справиться с застрявшим в горле комом.

– Может, ты все-таки дашь ему шанс? Постарайся в него поверить, – ласково сказал Коррадо, глядя на нее глазами цвета молочного шоколада. – Быть может, он занят очень важным делом.

Анна кивнула, испытывая благодарность за то, что итальянец пытается ее приободрить.

– Просто мне очень нужно убедиться, что у него все хорошо и он в безопасности.

– В нынешние времена мы все беспокоимся за наших близких.

Анна заметила, как лицо Коррадо вдруг омрачилось, что для него было совсем нехарактерно.

– Прости... Ты, конечно же, тоже переживаешь за собственную семью, – сказала она.

Коррадо кивнул:

– Родители решили, что сейчас благоразумнее уехать из Парижа, но мне тревожно, как они там, во Флоренции. У нас в Италии своих проблем хватает.

– А ты думаешь, в Париже сейчас безопаснее, чем в Италии?

– Возможно, да, но я не знаю, как долго это продлится. В Париже каждую ночь соблюдают светомаскировку. Люди бегут из города толпами, всё теперь в дефиците, магазины закрываются. – Он вздохнул. – Если бы ты видела... На всей улице в Сантье, где работали мои родители, витрины и окна заколочены досками.

– А моя мать отказалась уехать, – сказала Анна и с трудом сглотнула – в горле встал ком, когда она подумала о пьяненькой Кики, развалившейся сейчас где-нибудь на банкетке в примерке кабаре. – Надеюсь, у Марселя все-таки хватило ума покинуть Париж. У меня ненормальная семья, Коррадо...

По лужайке к ним шагала Люси с тарелкой, на которой лежали только яблоко и нож. Люси подошла, опустилась на плед рядом с Анной и устало улыбнулась, проведя бледной рукой по лбу:

– Рада снова тебя видеть, Коррадо.

– Взаимно, мадам, – отозвался тот. – У вас все хорошо?

Люси вздохнула:

– Я думала, да. Но когда мы вроде бы всё наладили, организовали систему хранения, привели в порядок архивные документы... месье Шоммер решил, что нужно перевезти некоторые экспонаты в другое место. Мы уже распаковали кое-что из вещей, чтобы посмотреть, как они

пережили путешествие, так что теперь надо заново их запаковывать и по второму разу проверять описи, чтобы убедиться, что все экспонаты учтены. И еще он особенно беспокоится из-за «Моны Лизы». Ее необходимо срочно доставить в другое хранилище, а с перевозками сейчас беда. Месье Шоммер хочет переправить картину в Лувины и считает, что этот груз можно доверить тебе, Коррадо. Ты у нас один из самых надежных и опытных водителей. Поэтому он и попросил тебя задержаться в Шамборе, я думаю.

Коррадо даже покраснел от смущения:

– Спасибо...

– К сожалению, нужно перевезти еще много картин, – продолжила Люси. – Но... – Она потеряла глаза. – Возникла загвоздка. Мы уже договорились с несколькими шоферами грузовиков, а остальные уже вернулись в Париж, и нет возможности вызвать их обратно, при этом никто из наших охранников водить не умеет. Так что мы в безвыходном положении...

Анна подняла взгляд от своей тарелки:

– Я умею водить. И с грузовиком управлюсь.

Леонардо

Милан, Италия

1499 год

– Я умею управляться с мулами. – Я поглаживаю по шее выючную скотинку, пока та не успокаивается от моей ласки. И вот когда мул уже стоит смирно и перестает запыленно дышать, рывком затягиваю подпругу. Старый трюк.

– И все же я думаю, вам лучше разместиться в повозке, маэстро Лео, да поскорее. Говорил же, надо было еще прошлым вечером уехать, а то мало ли... – Салаи смотрит на меня огромными жалобными очами, взгляд которых сподвиг меня подобрать их обладателя, тогда беспризорного оборванца, на улице Милана несколько лет назад.

– Ерунда, – отзываюсь я, но сам невольно устремляю взор вдоль узкого переулка – не идет ли друг наш Лука Пачоли. Не хотелось бы бросить его здесь. Мы, флорентийцы, должны держаться вместе, особенно в такие времена, как нынешние. Во Флоренции к блистательному математику, каковым, без сомнения, является Лука, выстроится очередь из богатей, желающих стать его покровителями.

– Если Пачоли не появится в ближайшие минуты, отправимся без него, маэстро Лео. Стоять здесь слишком опасно, – не унимается Салаи и тоже нервно косится в переулок.

Предрассветный воздух стелется холодной дымкой по-над мостовыми. Миланцы только просыпаются, огонь в кирпичных печах, что выстыли за ночь в *panifici*³⁵, еще не разведен, тележки торговцев пустые стоят под навесами. Прямо у нас над головами какая-то старуха со стуком распахивает деревянные ставни на высоком окне.

Никаких признаков французских солдат, которые якобы вошли в город этой ночью, вроде бы не наблюдается. И вдруг в переулке появляется тень.

– Маэстро Леонардо! Вы здесь! – Пачоли спешит к нам, скособочившись под грузом двух плетеных корзин, заполненных провизией для всех в расчете на долгий путь, кое-как перекидывает их через борт повозки и утверждает на досках.

Я покидаю Милан, увозя с собой несоизмеримо больше того, что было при мне, когда я сюда прибыл пятнадцать с лишним лет назад. Понадобилось шесть дорожных сундуков, чтобы вместились мои художественные принадлежности: краски, пигменты, кисти, палитры... Еще в четырех сундуках, побольше, мои шелковые наряды, бархатные туфли и новомодные милан-

---

³⁵ Пекарнях (*ит.*).

ские шляпы. Человека нынче встречают по одежке, и нигде эта поговорка не уместна настолько, как во Флоренции.

– Его светлость уже покинул город, – сообщает Пачоли, и голос его дрожит от страха.

Если герцог удрал, думаю я, это может означать лишь одно – что город сдан-таки французам вчера вечером и теперь они хлынут на улицы, оставшиеся без защитников.

– Как раз сейчас французы ищут вас, друг мой.

– Меня? – недоверчиво переспрашиваю я Пачоли. – Зачем?

– Говорил же я ему вчера, что надо сбежать до заката! – шепчет, обращаясь к математику, Салаи так, что мне все отлично слышно.

Салаи не умеет держать язык за зубами – в этом он остался тем самым уличным мальчишкой, который срезал кошельки у прохожих, когда я на него наткнулся. Но меня неотступно преследует сон о том, кем он может стать однажды. Салаи – мой невоплощенный замысел, он – вызов, брошенный мне.

– Французы видели вашу фреску в трапезной монастыря Санта-Мария-делле-Грацие, – поясняет Пачоли. – Настоятель сказал мне, что король хотел увезти вашу «Тайную вечерю» с собой во Францию и был весьма разочарован, когда монахи убедили его, что фреску никак нельзя снять со стены!

Одно-единственное зыбкое мгновение я обдумываю идею остаться в Милане и явиться к французскому королю, раз уж он, судя по всему, сделался поклонником моего таланта. Покровитель из него может получиться вполне достойный. Но как быть с Салаи и Пачоли? Бунта не избежать.

Я верчу головой направо-налево, однако не вижу поблизости никаких вооруженных людей – ни французов, ни миланцев. Нет смысла отрицать – мой покровитель, герцог Лодовико Сфорца, сам себя превратил в легкую добычу для французского короля. Притязания Лодовико на прямое наследование власти были сомнительными с самого начала. Чтобы расчистить себе путь к герцогским регалиям, ему пришлось убить родного племянника, и установившийся режим грубой силы долго продлиться не мог. Так или иначе, некоторые, возможно, не зря говорят, что у французского короля по крови больше прав на миланский престол, чем у Лодовико. Кроме того, у герцога нет достаточно могущественных друзей, которые сейчас могли бы прийти ему на помощь. Так что сбежал он вовремя. Я осеняю себя крестным знаменем и возношу молитву – прошу доброго пути из Милана для него и для нас.

Салаи уже оседлал своего мула, и того повело под тяжестью поклажи. Лука тоже сел в седло одной из наших четырех скотинок, навьюченной множеством кожаных дорожных мешков.

Мулы в хомутах мотают головами, моя повозка поскрипывает под грузом сундуков. Я тоже поднимаюсь в седло и сжимаю пятками круглые бока животного. Мы выдвигаемся по узкому переулку в направлении Порта-Тичинезе – южных ворот города.

Я заблаговременно распорядился переправить деньги на мой счет в Санта-Мария-Нуова перед возвращением во Флоренцию, а отец между тем написал, что уже нашел мне временное пристанище у сервитов – братьев из ордена служителей Девы Марии в монастыре Сантиссима-Аннунциата. Они, мол, пообещали мне заказ на запрестольный образ и к работе я смогу приступить, как только прибуду.

Однако же во Флоренцию я не спешу. Сначала мы заедем в Мантую, а потом, возможно, в Венецию, где наверняка в избытке водятся богатые покровители. Главное – не улыбаться до ушей направо и налево, а то решат, что я слишком заинтересован в их благосклонности. Богатых покровителей это может отпугнуть. О том, что нам предстоит сделать изрядный крюк, я сообщу Салаи и Пачоли уже в дороге. Они, конечно, начнут возмущаться, но поделаться ничего не смогут, ибо это я оплачиваю дорожные расходы.

Я оборачиваюсь к спутникам:

– Накиньте капюшоны и следуйте за мной.

Анна

Лувины, Франция

1939 год

– И как это тебя не арестовали? – Пьер, сидевший на пассажирском месте в кабине ржавого грузовика «Рено», в притворном изумлении так высоко вскинул брови, что они исчезли под козырьком его форменного кепи.

Анна, крепко сжимавшая руль скрипучей старенькой машины, покосилась на спутника, оторвав взгляд от дороги. «Рено», тяжелый и неповоротливый под грузом ящиков, подпрыгивал и раскачивался на выбоинах. Анна не сводила глаз с шустрого небольшого грузовичка Корrado с рекламой ремонта швейных машинок на бортах, плавно катившего впереди. В руль она вцепилась так, что побелели костяшки пальцев.

– Да уж, а ведь могли бы сгноить в тюрьме, – отозвалась она, с улыбкой вспоминая тот день, когда брат учил ее водить машину. – Витрина разлетелась вдребезги, и владелец магазинчика все видел своими глазами. Я въехала прямоком в его торговый зал! Но Марселю каким-то образом удалось убедить пострадавшего, что виноват другой водитель, который якобы меня подрезал. – Она покачала головой. – У Марселя редкий дар убеждения, он из тех, кому хочется верить, даже если ты понимаешь, что верить нельзя.

– И что же в итоге сделал владелец магазина?

– Вы не поверите, но мы вышли от него с огромным кульком конфет. А он остался ругать почему зря другого водителя.

– Стало быть, Марсель – тот самый парень, которому доверили охранять бесценные произведения искусства? – хмыкнул Пьер.

– Гм... – промычала Анна и закусила губу. Ее попутчик был прав – доверять шедевры Лувра такому охраннику, как Марсель, было сущей нелепостью. О чем она только думала?

– Он решил не участвовать в нашем большом путешествии? – спросил Пьер.

Анна медлила с ответом, но, несмотря на свой грозный вид, Пьер казался ей вполне безобидным.

– Я хотела, чтобы Марсель поехал. Только вот, судя по всему, мой брат покинул Париж раньше нас. И я понятия не имею, где он сейчас. Честно говоря, я скрыла его бегство от месье Дюпона.

Ну вот, наконец-то она призналась... Скинув с себя этот груз, Анна вздохнула с облегчением.

Кустистые брови Пьера снова уползли под козырек, а в следующую секунду он рассмеялся:

– Ты напрасно боишься месье Дюпона, дорогая. Хотя, наверное, со стороны он кажется очень грозным. Мы с ним вместе через многое прошли. Оба были на Великой войне. Сам он родом с юга и тогда участвовал там в сопротивлении. Возглавлял отряд, который вел наблюдение за немецкими аэродромами, и организовывал пути эвакуации для британских солдат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.